Троцкий

К социализму или к капитализму

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
К126

К СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ К КАПИТАЛИЗМУ?

(АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ТЕНДЕНЦИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ)

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171
К126

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО»

МОСКВА ГОСПЛАН СССР ЛЕНИНГРАД

1925

К СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ К КАПИТАЛИЗМУ?

(АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ТЕНДЕНЦИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ)

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН 171
К 126

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО»

МОСКВА ГОСПЛАН СССР ЛЕНИНГРАД

1925

К.

ЕН171
К126

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
Гл. Упр. Р.-К.К.А.
Пл. Урицкого, 10.
Ленинградский
Гублит № 18572.
Тираж 10.100-3.
Заказ № 901.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(1052 / 25) СФ / 12094

2959 / 36 с1.

1062501

ЯЗЫК ЦИФР

I

Государственная Плановая Комиссия (Госплан) опубликовала сводную таблицу по „контрольным" цифрам народного хозяйства СССР на 1925—26 г. Все это звучит очень сухо и, так сказать, бюрократично. Но в этих сухих статистических колонках и почти столь же сухих и сдержанных пояснениях к ним звучит великолепная историческая музыка растущего социализма. Здесь уже не догадки, не предположения, не надежды, не теоретические доводы,—здесь полновесный язык цифр, убедительный даже для Нью-Йоркской биржи. На главнейших из этих цифр, на самых основных, мы хотим остановиться. Они стоят того.

Прежде всего, самый факт опубликования сводной таблицы является настоящим нашим хозяйственным праздником. День опубликования (20-ое августа) следовало бы отметить в советском календаре. Сельское хозяйство и промышленность, товарный оборот, внутренний и внешний, денежная масса, товарные цены, кредитные операции и государственный бюджет нашли отражение в этой таблице в своем развитии и в своей взаимной связи. Мы имеем здесь ясное, простое и удобочитаемое сравнение всех основных данных за 1913 год, за 1924—25 и перспективные цифры на 1925—26 год. В пояснительном тексте даны во всех необходимых случаях цифровые данные за другие годы советского хозяйства. Мы имеем, благодаря этому, общую картину развития нашего строительства

и его перспективный план на следующий хозяйственный год. Самая возможность такого построения является первоклассным завоеванием.

Социализм—это учет. При нэпе только формы учета иные, чем те, какие мы пытались применять при военном коммунизме и какие найдут свое законченное выражение при развернутом социализме. Но социализм—это учет и ныне, в новой стадии нэпа, пожалуй, даже больше, чем при законченном социализме, ибо тогда учет будет иметь чисто-хозяйственное содержание, а ныне он связан со сложнейшими политическими проблемами. И вот, в этой сводной таблице контрольных цифр социалистическое государство впервые учитывает все стороны своего хозяйства в их взаимодействии и в их развитии. Это—огромное завоевание. Самая возможность его есть безукоризненное свидетельство как материальных хозяйственных достижений, так и успехов учитывающей, обобщающей и направляющей хозяйственной мысли. Эту таблицу можно, пожалуй, рассматривать, как своего рода аттестат зрелости. Надо только при этом помнить, что аттестат зрелости выдается не тогда, когда люди „заканчивают" образование, а тогда, когда они от среднего образования переходят к высшему. Задачи высшего порядка и ставит перед нами сводная таблица Госплана. Их мы хотим подвергнуть анализу.

Первый вопрос, который возникает при взгляде на таблицу, таков: насколько она точна? Здесь широкое поле для оговорок, ограничений и даже скептицизма. Все знают, что наша статистика и наша отчетность часто хромают—не потому, что они хуже других сторон нашей хозяйственной и культурной деятельности, а потому, что они отражают все или, по крайней мере, многие стороны нашей отсталости. Но это вовсе не оправдывает какого-либо огульного недоверия,—в надежде на то, что, авось, годика через полтора—два можно будет вскрыть ошибочность тех или других цифр и разыграть мудреца задним числом. Весьма вероятно, что ошибок будет немало. Но мудрость задним числом есть самый дешевый вид мудрости. Для данного момента цифры Госплана дают максимальное приближение к действительности. Почему? По трем причинам: во-первых, потому что они основаны

на самом полном материале, какой можно иметь, и притом не на материале, доставленном со стороны, а на таком, который изо дня в день прорабатывается различными секциями Госплана; во-вторых, потому что материал этот проработан наиболее компетентными и квалифицированными экономистами, статистиками и техниками; в-третьих, потому, наконец, что работа эта произведена учреждением, свободным от ведомственной заинтересованности и имеющим постоянную возможность сшибить ведомства в очной ставке *. К этому надо еще добавить, что для Госплана нет коммерческих и вообще хозяйственных тайн. Он может проверить (непосредственно или через РКИ) любой производственный процесс и любую коммерческую калькуляцию. Все балансы открыты перед ним, как и все ведомственные сметы, и не только с казового конца, но и в черновом виде. Разумеется, по отдельным цифрам будут еще споры, некоторые данные оспариваются в ту или другую сторону ведомствами; поправки ведомств, будут ли они приняты или отклонены, могут иметь серьезное значение для тех или других очередных практических начинаний: для заданий по экспорту и импорту, для размеров бюджетных ассигнований на те или другие хозяйственные нужды и проч. Но основных данных эти поправки не затронут. Лучших, более продуманных, тщательнее проверенных цифр, чем те, какие мы имеем в опубликованной таблице Госплана, в настоящее время быть не может. И уж, во всяком случае, неточная, но выведенная из всей предшествующей деятельности „контрольная“ цифра неизмеримо выше работы вслепую. В первом случае мы вносим на основании опыта поправки и учимся, а во втором случае живем на авось.

Таблица доведена до 1 октября 1926 года. Это значит, что месяцев через 20, когда мы будем иметь отчетные хозяйственные данные за 1925—26 год, мы получим возможность сравнить нашу завтрашнюю действительность с сегодняшними нашими

* „Отчетные данные оперативных хозяйственных органов более чем несовершенны: они тенденциозны.“ Таково замечание объяснительной записки Госплана. Эту суровую оценку надо себе отметить. При содействии Госплана и прессы надо научить оперативные хозяйственные органы давать объективные, т.-е. правдивые отчеты.

предположениями, выраженными в цифрах. Каков бы ни оказался размер расхождений, само это сопоставление будет незаменимой школой планового хозяйства.

Говоря о большей или меньшей точности предвидения, нужно, однако, ясно понимать, о какого рода предвидении идет в данном случае речь. Когда статистики, скажем, Говардовского Института в Америке, пытаются определить направление или темп развития разных отраслей американского хозяйства, то они действуют до известной степени как астрономы, т.-е. пытаются уловить динамику процессов, от их воли совершенно независимых,—с той только разницей, что статистики не обладают и в отдаленной степени столь точными методами, как астрономы. Наши статистики поставлены в принципиально отличное положение. Они действуют в составе учреждений, руководящих хозяйством. Перспективный план не есть лишь продукт пассивного предвидения, но и рычаг активного хозяйственного усмотрения. Каждая цифра здесь не просто фотография, но директива. Таблица контрольных цифр выработана органом государства, которому принадлежат—и в какой степени!—командные высоты хозяйства. Когда таблица говорит, что наш экспорт должен с 462 миллионов рублей за текущий год подняться в 1925—26 г. до 1.200 миллионов рублей, т.-е. на 160%, то это не только предвидение, но и задание. На основании того, что есть, здесь указано, что нужно сделать. Когда таблица говорит, что капитальные вложения в промышленность, т.-е. затраты на обновление и расширение основного капитала, должны составить 900 миллионов рублей, то это опять-таки не пассивная цифровая выкладка, а статистически мотивированная практическая задача первостепенной важности. Такова и вся эта таблица с начала до конца. Она есть диалектическое сочетание теоретического предвидения с практическим усмотрением, т.-е. учета объективных условий и тенденций с субъективной постановкой задач хозяйствующего рабоче-крестьянского государства. В этом принципиальное отличие сводной таблицы Госплана от всяких возможных статистических учетов, подсчетов и предвидений любого капиталистического государства. Здесь, как мы увидим далее, гигантское превосходство наших, т.-е. социалистических методов над капиталистическими.

Перспективная контрольная таблица Госплана дает, однако, цифровую оценку хозяйственных методов социализма не вообще, а в их применении в определенных условиях, т.-е. на определенном этапе так называемой новой экономической политики (нэпа). Стихийные процессы хозяйства допускают к себе преимущественно объективно-статистический подход. В свою очередь, хозяйственные процессы, руководимые государством, на том или другом этапе выходят на рынок и методами рынка увязываются со стихийными, так сказать, не-подконтрольными хозяйственными процессами, порождаемыми преимущественно распыленностью крестьянского хозяйства. Планирование на добрую долю состоит в настоящее время именно в сочетании контролируемых и направляемых хозяйственных процессов с теми, которые пока еще идут рыночным самотеком. Другими словами, в нашей экономике социалистические тенденции разной высоты развития сочетаются и переплетаются с капиталистическими тенденциями опять-таки разной степени зрелости и незрелости. Контрольные цифры дают увязку одних процессов с другими и тем самым вскрывают равнодействующую развития. В этом основное социалистическое значение перспективного плана.

Что хозяйственные процессы, развивающиеся в нашей стране, глубоко противоречивы, представляя борьбу двух взаимно исключающих друг друга систем, социализма и капитализма, это мы знали всегда и не скрывали ни от кого. Наоборот, именно при переходе к нэпу исторический вопрос был формулирован Лениным в двух местоимениях: кто кого? Меньшевистские теоретики, и первый из них Отто Бауэр, снисходительно приветствовали нэп, как трезвую капитуляцию преждевременных, насильственных, большевистских методов социалистического хозяйства перед испытанным и надежным капитализмом. Опасения одних и надежды других нашли чрезвычайно серьезную проверку, и результаты ее выражены в контрольных цифрах нашей общественно-хозяйственной сметы. Значение ее в том, между прочим, и состоит, что теперь уже нельзя более рассуждать общими местами о социалистических и капиталистических элементах нашего хозяйства, о плане вообще и стихии вообще. Пусть грубо и предварительно, но мы уже подсчита-

лись, мы количественно определили взаимоотношения социализма и капитализма в нашей экономике—для сегодняшнего дня и для завтрашнего. Мы получили, благодаря этому, драгоценный фактический материал для ответа на исторический вопрос: кто кого?

II

Во всем, что сказано выше, охарактеризовано пока только методологическое значение сводной таблицы Госплана, т.-е. показано огромное значение для нас того факта, что мы завоевали, наконец, возможность оценивать все основные процессы нашего хозяйства в их связи и развитии, и тем самым получаем опору для несравненно более сознательной и предусмотрительной плановой политики—и не только в области хозяйства. Но гораздо важнее для нас, разумеется, непосредственное материальное содержание сводной таблицы, т.-е. те фактические цифровые данные, которыми она характеризует наше общественное развитие.

Для того, чтобы получить правильный ответ на вопрос: к социализму или к капитализму?—нужно прежде всего правильно формулировать самый вопрос. Этот последний, естественно, расчленяется на три подвопроса: а) совершается ли у нас развитие производительных сил? б) в каких общественных формах идет это развитие? и в) каков темп этого развития?

Первый вопрос самый простой и самый основной. Без развития производительных сил немыслим ни капитализм, ни социализм. Военный коммунизм, выросший из железной исторической необходимости, быстро исчерпал себя, застопорив развитие производительных сил. Самый элементарный и, вместе с тем, самый повелительный смысл нэпа состоял в развитии производительных сил, как основе всякого общественного движения вообще. Нэп приветствовался буржуазией и меньшевиками, как необходимый (но, разумеется, „недостаточный“) шаг на пути раскрепощения производительных сил. Меньшевистские теоретики как каутскианской, так и оттобауэровской разновидности одобряли нэп именно как зарю капиталистической реставрации в России. Они прибавляли: либо нэп сорвет больше-

вистскую диктатуру (благой исход), либо большевистская диктатура сорвет нэп (исход печальный). Сменовеховство в своем первоначальном виде выросло из веры в то, что нэп обеспечит развитие производительных сил в капиталистической форме. И вот сводная таблица Госплана дает нам основные элементы ответа не только на вопрос об общем развитии производительных сил, но и на вопрос о том, в какой общественной форме это развитие прокладывает себе дорогу.

Мы твердо знаем, разумеется, что общественная форма нашего хозяйственного развития двойственна, ибо основана на сотрудничестве и борьбе капиталистических и социалистических методов, форм и целей. В эти условия наше развитие поставлено новой экономической политикой. Более того: в этом и состоит основное содержание последней. Но такого общего представления о противоречивости нашего развития нам уже недостаточно. Мы ищем и требуем для наших экономических противоречий по возможности точных измерителей, т.-е. не только динамических коэффициентов общего развития, но и сравнительных коэффициентов удельного веса той и другой тенденции. От ответа на этот второй вопрос зависит слишком многое, вернее все—и в нашей внутренней и в нашей внешней политике.

Чтобы подойти к вопросу с наиболее острого угла, скажем: без ответа на вопрос об относительной силе капиталистических и социалистических тенденций и о том направлении, в каком изменяется соотношение их удельного веса по мере роста производительных сил, нельзя составить себе ясного и вполне надежного представления о шансах и возможных опасностях нашей крестьянской политики. В самом деле: если бы оказалось, что, по мере развития производительных сил, капиталистические тенденции растут за счет социалистических, то последнее расширение рамок товарно-капиталистических отношений в деревне могло бы иметь роковое значение, повернув окончательно стрелку развития на путь капитализма. И наоборот: если удельный вес государственного, т.-е. социалистического хозяйства возрастает в общей экономике страны, то большее или меньшее „раскрепощение“ товарно-капиталистического процесса в деревне входит уже в русло определенного

соотношения сил и решается, поэтому, под чисто деловым углом зрения: как? когда? до какого предела? Иначе сказать, если производительные силы, находящиеся в руках социалистического государства и обеспечивающие за ним все командные высоты, не только быстро растут, но возрастают быстрее частно-капиталистических производительных сил города и деревни; если это проверено опытом труднейшего восстановительного периода,—то ясно, что известное расширение товарно-капиталистических тенденций, идущих из недр крестьянского хозяйства, отнюдь не угрожает нам какими-либо экономическими внезапностями, каким-либо скоротечным превращением количества в качество, т.-е. резким поворотом к капитализму.

Наконец, в третьей очереди стоит вопрос о т е м п е нашего развития под углом зрения мирового хозяйства. На первый взгляд может показаться, что этот вопрос, при всей своей значительности, имеет совершенно подчиненное значение: конечно, желательно притти к социализму „как можно скорее", но раз движение обеспечено победоносным развитием социалистических тенденций в обстановке нэпа, то вопрос о темпе получает уже как будто второстепенное значение. Это, однако, неверно. Такого рода вывод был бы правилен (и то не вполне), если бы мы представляли собой замкнутое самодовлеющее хозяйство. Но этого нет. Именно благодаря нашим успехам, мы вышли на мировой рынок, т.-е. вошли в систему мирового разделения труда, и мы остаемся при этом в капиталистическом окружении. В этих условиях т е м п н а ш е г о х о з я й с т в е н н о г о р а з в и т и я о п р е д е л и т с и л у н а ш е г о с о п р о т и в л е н и я э к о н о м и ч е с к о м у н а ж и м у м и р о в о г о к а п и т а л а и в о е н н о - п о л и т и ч е с к о м у н а ж и м у м и р о в о г о и м п е р и а л и з м а. А этих факторов нельзя пока-что скинуть со счетов.

Если с тремя нашими „контрольными" вопросами подойдем к сводной таблице и объяснительной записке Госплана, то убедимся, что на первые два вопроса—о развитии производительных сил и об общественных формах этого развития—таблица дает не только ясный и отчетливый, но и в высшей степени благоприятный ответ. Что же касается третьего вопроса, о темпе, то ходом нашего хозяйственного развития мы только подошли

к его постановке в международном масштабе. Но и здесь, как увидим, благоприятный ответ на первые два вопроса создает предпосылки для разрешения и третьего вопроса. Этот последний явится высшим критерием для нашего хозяйственного развития в ближайшую эпоху.

III

Быстрое восстановление наших производительных сил стало общеизвестным фактом. Цифры сводной таблицы как нельзя лучше иллюстрируют его. Сельско-хозяйственная продукция 1924—25 года, включающая в себя плохой урожай 1924 года, составила, если исчислять продукцию по довоенным ценам, 71% от продукции урожайного 1913 года. Предстоящий 1925—26 хозяйственный год, имеющий в своем активе нынешний хороший урожай, обещает, по последним данным, превысить сельско-хозяйственную продукцию 1913 г., немногим уступая 1911 году. И если за последние годы общий сбор зерновых продуктов ни разу не доходил до 3 миллиардов, то урожай нынешнего года измеряется, примерно, в 4,1 миллиарда пудов *.

Промышленность наша достигла в истекающем году, по ценности своих изделий, 71% от продукции того же полнокровного 1913 года. В ближайшем году наша промышленность достигнет не менее 95% от продукции 1913 года, т.-е. практически завершит свой восстановительный процесс. Если вспомнить, что в 1920 году наша продукция упала до одной пятой—одной шестой производственной мощности наших заводов, то темп восстановительного процесса обнаружится перед нами со всей яркостью. Продукция цензовой промышленности возросла с 1921 г. в три с лишним раза. Наш экспорт, не достигающий еще в этом году полумиллиарда рублей, обещает в ближайшем году значительно превысить миллиард. Однородное развитие проделывает и наш импорт. Государственный бюджет с $2^1/_2$ миллиардов обещает перевалить далеко за $3^1/_2$. Таковы основные контрольные цифры. Качество наших изделий—еще, правда,

* Такова оценка на сегодняшний день (28 авг. 1925 г.) Возможны, разумеется, еще изменения в ту и другую сторону.

весьма несовершенное—чрезвычайно все же возросло по сравнению с первым и вторым годами нэпа. Таким образом, на вопрос о развитии производительных сил мы получаем в высшей степени яркий, демонстративный ответ: „раскрепощение" рынка дало производительным силам могущественный толчек.

Но именно то обстоятельство, что толчек исходил от рынка, от фактора капиталистического порядка, давало и дает главное питание злорадству теоретиков и политиков буржуазии. Национализация промышленности и плановые методы хозяйства казались безнадежно скомпрометированными самым фактом перехода к нэпу и несомненными хозяйственными успехами этого последнего. Вот почему только ответ на второй поставленный нами вопрос—об общественных формах хозяйства—может дать социалистическую оценку нашего развития. Рост производительных сил совершается, например, в Канаде, оплодотворяемой капиталом Соединенных Штатов. Он происходит в Индии, несмотря на тиски колониальной кабалы. Наконец в форме восстановительного процесса он совершается с 1924 года и в дауэсизированной Германии. Во всех этих случаях дело идет о капиталистическом развитии. Именно в Германии планы национализации и социализации, столь процветавшие—по крайней мере, в пухлых книгах катедер-социалистов и каутскианцев—в 1919—1920 годах, ныне оставлены, как негодный хлам, и под жесткой американской опекой принцип частно-капиталистической инициативы, несмотря на выпавшие и выбитые зубы, справляет вторую молодость. Как же обстоит на этот счет дело у нас? В какой общественной форме совершается у нас развитие производительных сил? Идем ли мы к капитализму или к социализму?

Предпосылкой социалистического хозяйства является национализация средств производства. Выдержала ли эта предпосылка испытание нэпа? Привела ли рыночная форма распределения продуктов к ослаблению национализации или к укреплению ее?

„Сводная таблица" Госплана дает незаменимый материал для суждения о взаимодействии и борьбе социалистических и капиталистических тенденций нашего хозяйства. Мы имеем

здесь совершенно бесспорные „контрольные“ цифры, которые распространяются на основной капитал, на продукцию, на торговый капитал и на все вообще важнейшие хозяйственные процессы в стране.

Наибольшей условностью отличаются, пожалуй, цифры, характеризующие распределение основного капитала; но эта условность влияет гораздо больше на абсолютные цифры, чем на их взаимные отношения. А нас сейчас интересуют, главным образом, эти последние. По исчислениям Госплана, к началу нынешнего хозяйственного года государству принадлежали капитальные фонды „по самым скромным расчетам“ не меньше 11,7 миллиардов червонных рублей, кооперации—0,5 миллиарда рублей и частным, главным образом крестьянским, хозяйствам — 7,5 миллиардов рублей. Это значит, что в области средств производства обобществлено свыше 62% общей их массы, притом технически наиболее совершенных. В необобществленном состоянии остается около 38%.

Что касается сельского хозяйства, то здесь мы имеем пока что проверку не столько национализации земли, сколько ликвидации помещичьего землевладения. И проверка получается в высшей степени серьезная и поучительная. Ликвидация помещичьего и вообще сверх-крестьянского землевладения привела почти к сплошной ликвидации крупных, в том числе культурных сельско-хозяйственных предприятий. Это было одной из причин, правда, второстепенной, временного упадка сельского хозяйства. Но мы уже знаем, что урожай нынешнего года поднимает сельско-хозяйственную продукцию на довоенный уровень — без помещичьего землевладения и без капиталистических „культурных“ хозяйств. А ведь мы только в самом начале развития раскрепощенного от помещиков сельского хозяйства! Стало быть, упразднение дворянского сословия со всеми его гнездами и даже „варварский“ черный передел, которого так пугались благочестивые меньшевики, уже оправдали себя хозяйственно целиком. Это первый и, надеемся, немаловажный вывод.

Что касается национализации земли, то, вследствие раздробленности крестьянского хозяйства, этот принцип не мог еще получить должной проверки. Сусальная народническая

позолота, неизбежно покрывавшая в первый период социализацию, столь же неизбежно сползла с нее. Но в то же время смысл национализации, как меры принципиально социалистической при господстве рабочего класса, успел обнаружить себя вполне достаточно для того, чтобы можно было понять его величайшую роль в дальнейшем развитии сельского хозяйства. Благодаря национализации земли мы обеспечили за государством неограниченные возможности в области землеустройства. Никакие перегородки частной, индивидуальной или групповой собственности не будут у нас мешать приспособлению форм землепользования к потребностям производственного процесса. Сейчас производственные средства сельского хозяйства обобществлены едва ли на 4%; остальные 96% находятся в частной собственности крестьян. Нужно, однако, иметь в виду, что сельско-хозяйственные средства производства, как крестьянские, так и государственные, составляют немногим больше $^1/_3$ всех средств производства Советского Союза. Незачем пояснять, что полное значение национализации земли скажется лишь в результате высокого развития сельско-хозяйственной техники и вытекающей отсюда коллективизации земледелия, т.-е. в перспективе ряда лет. Но именно к этому мы идем.

IV

Для нас, марксистов, было, разумеется, ясно и до революции, что социалистическое переустройство хозяйства начнется именно с промышленности и механизированного транспорта и отсюда распространится на деревню. Поэтому цифровая проверка деятельности национализованной промышленности является краеугольным вопросом социалистической оценки нынешнего переходного хозяйства.

В области промышленности средства производства обобществлены на 89%, вместе с железнодорожным транспортом — на 97%, в крупной промышленности — на 99%. Эти цифры означают, что имущественные результаты национализации за эти годы не изменились к невыгоде для государства. Уже одно это обстоятельство имеет огромное значение. Но нас интересует, главным образом, другое: каким процентом обобще-

ствленные средства производства участвуют в ежегодной продукции? т.-е. в какой мере производительно применяет государство присвоенные им ресурсы? Вот что говорит нам на этот счет сводная таблица Госплана. Государственная и кооперативная промышленность дала в 1923—24 году 76,3% валовой продукции; в нынешнем году дает 79,3% и в следующем году обещает дать, по предположениям Госплана, 79,7%. Что касается частной промышленности, то она участвовала в 1923—24 году в продукции в размере 23,7%, в 1924—25 году в размере 20,7% и, наконец, в будущем году ей отводится 20,3%. Независимо от осторожных перспективных цифр на будущий год колоссальное значение имеет сравнение динамики государственной и частной продукции в общей товарной массе страны. Мы видим, что в прошлом и в нынешнем году, т.-е. в годы напряженного хозяйственного подъема, доля государственной промышленности возросла на 3%, и на столько же упала доля частной промышленности. Этим процентом измеряется для данного короткого периода возрастание перевеса социализма над капитализмом. Процент может показаться незначительным, но на самом деле симптоматическое значение его, как мы сейчас покажем, огромно.

В чем могла состоять опасность при переходе к новой экономической политике и в самые первые ее годы? Опасность состояла в том, что, вследствие полного истощения страны, государство могло бы оказаться не в силах поднять на своих плечах в достаточно короткий срок крупные промышленные предприятия. При крайне недостаточной их загрузке (а мы имели дело с загрузкой в 10 и 20%) средние, мелкие и даже кустарные предприятия могли получить огромный перевес подвижности. Так называемое разбазаривание первого периода, которое было социалистической уплатой капитализму за пуск в ход конфискованных у него заводов и фабрик, угрожало передать в руки торговцев, посредников, спекулянтов крупную часть государственного достояния. Кустарные предприятия, мелкие мастерские оживали первые в атмосфере нэпа. Сочетание частно-торгового капитала с мелкой частной, в том числе домашней, промышленностью могло привести к достаточно быстрому процессу первоначального капиталистического накопления на наезженных колеях.

В этих условиях угрожала такая потеря темпа, в результате которой вожжи хозяйственного руководства могли быть стихийно вырваны из рук рабочего государства. Этим мы, разумеется, еще вовсе не хотим сказать, что всякое временное и даже длительное повышение удельного веса частной промышленности в общем обороте угрожает непременно катастрофическими или хотя бы тяжелыми последствиями. Качество и здесь зависит от количества. Если бы итоговые цифры показали нам, что удельный вес частно-капиталистической продукции за последние два-три года повысился на 1—2—3%, то это ни в каком случае не делало бы еще обстановку угрожающей: государственная продукция составляла бы при этом все же три четверти общей массы, и восстановить потерю темпа теперь, когда крупные предприятия все более загружаются, было бы вполне разрешимой задачей. Если бы оказалось, что роль частно-капиталистической продукции повысилась на 5—10%, с этим фактом пришлось бы считаться серьезнее, но и такой результат первого, восстановительного периода ни в каком случае не означал бы еще, что национализация экономически невыгодна. Вывод был бы лишь тот, что наиболее тяжеловесная часть национализованной промышленности еще не развернула необходимой динамики развития. Тем большее значение имеет тот факт, что в результате первого, чисто восстановительного и наиболее для государства трудного и опасного периода нэпа национализованная промышленность не только не уступила какой-либо своей территории капиталистической промышленности, но, наоборот, успела оттеснить эту последнюю на 3%. Таково огромное симптоматическое значение этой маленькой цифры.

Вывод наш станет еще яснее, если мы возьмем данные, относящиеся не только к производству, но и к торговому обороту. В первое полугодие 1923 г. частный капитал занимал в посреднической торговле около 50%, во второе полугодие около 34%, в 1924—25 г.—около 26%. Другими словами, удельный вес частного капитала в посреднической торговле за эти 2 года уменьшился вдвое (с половины до четверти). Достигнуто это отнюдь не простым зажимом торговли, ибо за тот же период оборот государственной и кооперативной торговли возрос больше, чем вдвое. Таким образом, снижение обществен-

ной роли обнаруживается не только на частной промышленности, но и на частной торговле. И то и другое—на основе роста производительных сил и торгового оборота. На предстоящий год сводная таблица намечает, как мы видели, дальнейшее, правда, незначительное, снижение удельного веса частной промышленности и торговли. Мы можем без всякого волнения ждать, какова будет проверка этого предвидения в действительности. Победу государственной промышленности над частной отнюдь не надо представлять себе непременно в виде одной непрерывно восходящей линии. Могут быть периоды, когда государство, опираясь на свою экономически обеспеченную мощь и стремясь ускорить темп развития, сознательно допускает временное увеличение удельного веса частных предприятий: в земледелии—в форме „крепких", т.-е. фермерски-капиталистических хозяйств; в промышленности и в том же земледелии—в форме концессий. Принимая во внимание чрезвычайно распыленный характер большей части нашей частной промышленности, было бы наивно думать, что всякое повышение удельного веса частной продукции выше нынешних 20,7% означало бы неминуемо какую-либо угрозу социалистическому строительству. Было бы вообще неправильно пытаться установить здесь какой-либо жесткий предельный процент. Вопрос определяется не формальным пределом, а общей динамикой развития. Изучение же этой динамики показывает, что в труднейший период, когда крупные предприятия обнаруживали больше свои отрицательные преимущества, чем положительные, государство с полным успехом выдержало борьбу с первой атакой частного капитала. За время наиболее быстрого подъема, в течение последних двух лет, соотношение экономических сил, созданное революционным переворотом, планомерно передвигалось к выгоде государства. Теперь, когда основные позиции гораздо более надежно закреплены одним тем, что крупные предприятия приближаются к загрузке на 100%, не может быть никаких оснований опасаться каких-либо неожиданностей, поскольку дело идет о внутренних факторах нашего хозяйства.

1062501 С 90 12044

V

По вопросу о смычке, т.-е. о сочетании хозяйственной работы города и деревни, сводная таблица дает основные и, именно поэтому, чрезвычайно убедительные данные. *

Как явствует из таблицы, крестьянство выбрасывает на рынок меньше одной трети своей валовой продукции, и эта сельскс-хозяйственная товарная масса составляет больше одной трети всего товарного оборота.

Ценностные соотношения между сельско-хозяйственной и промышленной товарной массой колеблются в узких пределах, около величин 37:63. Это значит, что на рынке обращается, если измерять товары не в штуках, пудах, аршинах, а в рублях, немного больше одной трети деревенских товаров и немного меньше двух третей городских, т.-е. промышленных. Объясняется это тем, что свои собственные потребности деревня удовлетворяет, в огромной степени, минуя рынок, тогда как город выбрасывает на рынок почти всю свою продукцию. Раздробленное потребительское крестьянское хозяйство выключает себя из общего хозяйственного оборота более чем на $^2/_3$, и только меньшая треть прямо и непосредственно влияет на экономику страны. Промышленность же, по существу дела, всей своей продукцией непосредственно участвует в общегосударственном обороте, так как „натуральный" оборот внутри самой промышленности (через тресты и синдикаты), уменьшающий товарность продукции на 11%, не только не снижает, а, наоборот, повышает этим упрощением оборота влияние промышленности на общехозяйственный процесс.

Если, однако, натурально-потребляемая масса земледельческих продуктов и не влияет на рынок, то это, разумеется, не значит, что она не влияет на хозяйство. Она составляет при данном состоянии хозяйства необходимый натуральный тыл товарной трети крестьянской продукции. Эта треть, в свою

* В этом, как и в других случаях, я не хочу сказать, что все данные таблицы новы; но они проверены, обновлены и включены в систему, охватывающую все хозяйство. Это и придает им характер исключительной значительности.

очередь, составляет ту ценность, за которую деревня требует от города эквивалента. Отсюда ясно гигантское общехозяйственное значение деревенской продукции в целом и ее товарной трети в частности. Реализация урожая и, в частности, экспортная операция, входят важнейшим фактором в годовой наш хозяйственный баланс. Чем дальше, тем больше механика смычки усложняется. Дело уже далеко не ограничивается тем, что известное число пудов крестьянского хлеба обменивается на известное число аршин ситца. Наше хозяйство вошло в мировую систему. Это включило новые звенья в цепь смычки. Крестьянский хлеб обменивается на иностранное золото. Золото обменивается на машины, орудия и недостающие предметы потребления для города и деревни. Текстильные машины, полученные на золото, реализованное через экспорт зерна, обновляют оборудование текстильной промышленности и тем снижают цены на ткани, поступающие в деревню. Круговорот чрезвычайно усложняется, но базой его остается попрежнему известное хозяйственное соотношение города и деревни.

Нельзя, однако, ни на минуту забывать, что это соотношение динамическое, и что в этой сложной динамике ведущим началом является индустрия. Это значит, что если сельско-хозяйственная продукция и непосредственно ее товарная часть и намечают известные границы для развития промышленности, то эти границы не являются жесткими и неподвижными. Это значит, что промышленность может развертываться отнюдь не на ту только сумму, на какую увеличился урожай. Нет, здесь взаимозависимость гораздо более сложная. Опираясь своим, главным образом, легким флангом на деревню и развиваясь благодаря ее росту, промышленность и сама для себя становится все более могущественным рынком.

Теперь, когда сельское хозяйство и промышленность подходят к концу восстановительного процесса, роль двигателя в несравненно большей степени, чем до сих пор, будет принадлежать промышленности. Проблема производственного социалистического воздействия города на деревню не только через дешевые предметы потребления, но через все более совершенные орудия сельско-хозяйственного производства, вынуждающие к коллективным формам обработки, становится теперь

перед промышленностью во всей своей конкретности и во всей своей грандиозности.

Социалистическая перестройка сельского хозяйства совершится, разумеется, не просто через кооперацию, как голую организационную форму, а через кооперацию, опирающуюся на механизацию земледелия, его электрификацию, его общую индустриализацию. Это значит, что технический и социалистический прогресс сельского хозяйства неотделим от возрастающего перевеса промышленности в общей экономике страны. А это значит, что в дальнейшем хозяйственном развитии динамический коэффициент промышленности будет, сперва медленно, а затем все быстрее, обгонять динамический коэффициент сельского хозяйства, пока не исчезнет самое это противопоставление.

VI

Продукция всей промышленности за 1924—25 г. превысила продукцию предшествующего года на 48%. В следующем году ожидается по отношению к нынешнему году превышение на 33%, если не принимать в расчет снижения цен. Но разные категории промышленных предприятий развиваются отнюдь не равномерно.

Крупные предприятия дали за текущий год прирост на 64%. Вторая группа, которую мы условно назовем группой средних предприятий, дала прирост на 55%. Мелкие предприятия увеличили свою продукцию всего на 30%. Мы достигли, следовательно, такого состояния, когда преимущества крупных предприятий над средними и мелкими обнаруживаются уже с большой силой. Это, однако, еще ни в каком случае не значит, что мы уже реализуем полностью те возможности, какие заложены в социалистическом хозяйстве. Поскольку дело идет о производственном перевесе крупных предприятий над средними и мелкими, мы пока-что реализуем те преимущества, какие свойственны более крупным предприятиям и при капитализме. Стандартизация продуктов в общегосударственном масштабе, нормализация производственных процессов, специализация предприятий, превращение целых заводов в могущественные цехи единого общесоюзного производственного орга-

низма, плановая материальная увязка производственных процессов всех отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности — к этим основным производственным задачам социализма мы только подступаем. Тут открываются необозримые возможности, которые в течение нескольких лет могут позволить нам далеко превзойти наши старые масштабы. Но это задача будущего, и речь о ней впереди.

До сих же пор преимущества государственного руководства хозяйством были использованы нами не в области самого производства, т.-е. организации и сочетания его материальных процессов, а в области производственного распределения: снабжения отдельных отраслей промышленности материалами, сырьем, оборудованием и пр. или, говоря на языке рынка, оборотным и отчасти основным капиталом. Не связанное рамками частной собственности, государство могло—через насос государственного бюджета, через Госбанк, через Промбанк и пр.—перекачивать в каждую данную минуту наличные ресурсы туда, где они были нужнее всего для поддержания, или воссоздания, или развития хозяйственного процесса. Это преимущество социалистического хозяйствования сыграло в истекшие годы поистине спасительную роль. Несмотря на грубые нередко просчеты и ошибки в распределении средств, мы все же распределяли их несравненно экономнее и целесообразнее, чем это происходило бы при стихийно-капиталистическом процессе восстановления производительных сил. Только благодаря этому мы могли в такой короткий срок подняться до нынешнего уровня без иностранных займов.

Но этим вопрос не исчерпывается. Экономность, а стало быть, общественная целесообразность социализма сказалась и в том, что он освободил процесс восстановления хозяйства от накладных расходов на паразитические классы. Факт таков, что мы приближаемся к производственному уровню 1913 г., а между тем, страна сейчас значительно беднее, чем была до войны. Это значит, что мы достигаем соответственных производственных результатов с меньшими общественными накладными расходами: на монархию, дворянство, буржуазию, архипривилегированные слои интеллигенции, наконец, на бешеные

трения самой капиталистической механики*. Именно благодаря социалистическому подходу, мы получили возможность из данных, очень еще ограниченных, материальных рессурсов гораздо большую часть мобилизовать непосредственно для производственных целей, подготовляя этим самым на следующем этапе более быстрый подъем материального уровня жизни населения страны.

* * *

Мы имеем, следовательно, на национализованной земле распыленное крестьянское хозяйство, товарная продукция которого составляет немногим выше одной трети ценностей, обращающихся на рынке. Обобществленный капитал сельского хозяйства образует едва ли 4%.

Мы имеем промышленность, основной капитал которой обобществлен на 89%, причем эта обобществленная промышленность дает свыше 79% валовой промышленной продукции. 11% необобществленных средств производства промышленности дают, следовательно, свыше 20% валовой продукции **. Доля государственной промышленности возрастает.

---

* Вклады в текущие счета составляли в 1924—25 году в среднем не более 11% от вкладов 1913 г. К концу будущего года ожидается повышение этой статьи до 36%. Это один из ярких признаков скудости наших накоплений. Но именно тот факт, что мы, при уровне вкладов и текущих счетов всего около 11% от довоенного, доводим нашу промышленность почти до ¾ довоенной, является лучшим свидетелем того, что рабоче-крестьянское государство несравненно экономнее, планомернее и целесообразнее применяет общественные рессурсы, чем буржуазный режим.

Отставание темпа развития работы транспорта от работы сельского хозяйства и промышленности объясняется в значительной мере тем, что в довоенный период удельный вес импорта и экспорта был значительно выше, чем теперь. Это опять-таки свидетельствует о том, что мы приближаемся к довоенному уровню промышленности при значительно более скромных национальных рессурсах и общественных накладных расходах, чем в 1913 году.

** Объясняется это несоответствие средств производства и продукции прежде всего разницей в органическом составе капитала: естественно, если в мелкой и кустарной промышленности оборудование является незначительным по сравнению с живой человеческой силой, которую расходуют не считая. К этому присоединяется также на другом полюсе тот факт, что наши крупнейшие предприятия, как, например, металлургические гиганты, еще далеко не загружены на 100%.

Железнодорожный транспорт обобществлен на 100%. Работа транспорта неуклонно возрастает: в 1921—22 году она составляла около 25% работы довоенного времени, в 1922—23 г.—37%, в 1923—24 г.—44% и, наконец, в 1924—25 году превзойдет половину довоенного уровня. На будущий год ожидается около 75% довоенного грузооборота.

В области торговли обобществленные, т.-е. государственные и кооперативные средства, составляют около 70% всего капитала, занятого в обороте, и эта доля непрерывно повышается.

Внешняя торговля обобществлена полностью, и государственная монополия ее остается незыблемым началом нашей хозяйственной политики. Общий оборот внешней торговли должен подняться в ближайшем году до 2.200.000.000 рублей. Частно-капиталистический вклад в этот оборот, даже если присоединить к нему контрабанду, что будет вполне правильно, вряд ли достигает 5%.

Банки и вся вообще система кредита обобществлены почти на 100%. И этот могущественно-растущий аппарат все более гибко и умело выполняет задачу мобилизации наличных ресурсов в целях питания производственного процесса.

Государственный бюджет поднимается до 3,7 миллиардов рублей, образуя 13% валового национального дохода (29 миллиардов) или 24% его товарной массы (15.200.000.000). Бюджет все более становится могущественным рычагом экономического и культурного подъема страны.

Таковы цифры сводной таблицы.

* * *

Эти данные имеют всемирно-историческое значение. Более чем столетняя непрерывная деятельность социалистов, начавшаяся с утопий и приведшая затем к научной теории, впервые разрешилась могущественным экономическим опытом, который длится почти восемь лет. Все, что писалось о социализме и капитализме, свободе и принуждении, о диктатуре и демократии,—все это, пройдя через горнило Октябрьской революции и советского хозяйственного опыта, предстало пред нами в новом, несравненно более конкретном виде. Цифры Госплана

подводят—пусть черновой, пусть предварительный,—но первый итог первой главы великого опыта превращения буржуазного общества в социалистическое. И этот итог складывается целиком в пользу социализма.

Ни одна страна не была так разорена и истощена целой серией войн, как Советская Россия. Все без исключения капиталистические страны, наиболее пострадавшие от войны, поднимались не иначе, как на помочах иностранного капитала. Только страна Советов, наиболее отсталая в прошлом, наиболее разоренная и истощенная войнами и потрясениями революции, поднималась из полной нищеты собственными силами, при активном противодействии всего капиталистического мира. Только благодаря полному упразднению помещичьего землевладения и буржуазной собственности, только благодаря национализации всех основных средств производства, только благодаря государственно-социалистическим методам мобилизации и распределения необходимых рессурсов, Советский Союз поднялся из праха и все возрастающим фактором врезывается в мировое хозяйство. От сводной таблицы Госплана тянутся неразрывные нити назад, к марксову и энгельсову Манифесту Коммунистической Партии, и вперед—к социалистическому будущему человечества. Дух Ленина веет над этими сухими колоннами цифр.

МЫ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

Достижение довоенного уровня, не только количественного, но и качественного, представит, при наличных исторических условиях, гигантский успех. Этому вопросу посвящена была наша первая глава. Но успех этот только подводит нас к „старту", с которого начинается наше настоящее экономическое состязание с мировым капитализмом.

Заключительные строки объяснительной записки Госплана формулируют следующее общее задание: „твердо удерживаться на завоеванных позициях и каждый год последовательно продвигаться вперед еще хотя бы на один шаг к социализму повсюду, где это позволяет хозяйственная конъюнктура". Эти строки, если их истолковать буквально, могут стать источником неправильных выводов. Слова о том, что достаточно каждый год „хотя бы на один шаг" продвигаться к социализму, могут быть поняты так, будто вопрос темпа почти безразличен: раз равнодействующая направлена в сторону социализма, мы де все равно придем к цели. Такой вывод был бы в корне неправилен, и Комиссия Госплана, разумеется, этого никак не хотела сказать. На самом деле вопрос решается именно темпом. Только перевес темпа развития государственной промышленности и торговли над частными обеспечил за истекший период „социалистическую" равнодействующую. То же соотношение темпов должно сохраниться и впредь. Но еще важнее соотношение между темпом нашего развития в целом и темпом мирового хозяйства. Этого вопроса записка Госплана пока не коснулась. Тем более считаем мы необходимым подробно остановиться на нем, так как этот новый критерий будет в такой же мере служить для измерения наших успехов и неудач в ближайшую эпоху, как критерий „довоенного уровня" служил для измерения успехов восстановительного периода.

Совершенно очевидно, что с нашим включением в мировой рынок растут не только возможности, но и опасности. Основа их все та же: распыленность крестьянского хозяйства, наша техническая отсталость и огромный пока-что производственный перевес над нами мирового капитализма. В этом простом признании того, что есть, нет, разумеется, никакого противоречия с тем, что социалистический производственный режим по своим методам, тенденциям, возможностям, неизмеримо могущественнее капиталистического. Лев сильнее собаки, но старая собака может быть сильнее львиного детеныша. Лучшей страховкой молодого льва является его возмужание, укрепление его зубов и когтей. Для этого нужен лишь срок.

В чем состоит важнейший пока-что перевес старого капитализма над молодым социализмом? Не в наличных ценностях, не в золоте, хранящемся в подвалах, не в общей массе накопленных и награбленных богатств. Накопленные ценности прошлого имеют крупное значение, но не решающее. Живое общество не может жить на старые запасы, оно питается продуктами живого труда. Несмотря на все свои богатства, древний Рим не устоял перед натиском „варваров", когда последние стали носителями более высокой производительности труда по сравнению с загнившим режимом рабства. Пробужденное Великой Революцией буржуазное общество Франции простонапросто ограбило накопленные со средних веков богатства аристократических городских общин Италии. Если бы производительность труда в Америке пала ниже европейского уровня, Соединенным Штатам не помогли бы 9 миллиардов золота, хранящиеся в банковских подвалах. Основной экономический перевес буржуазных государств состоит в том, что капитализм пока еще производит более дешевые товары и притом лучшего качества, чем социализм. Другими словами, производительность труда пока еще значительно выше в странах, живущих инерцией старой капиталистической культуры, чем в стране, которая только начинает применять социалистические методы в условиях унаследованного бескультурья.

Мы знаем основной закон истории: побеждает, в конце концов, тот режим, который обеспечивает человеческому об-

ществу более высокий уровень хозяйства. Историческая тяжба решается—не сразу, не одним ударом—сравнительным коэффициентом производительности труда.

Весь вопрос и состоит сейчас в том, в какую сторону и каким темпом будет в ближайшие годы изменяться соотношение между нашим хозяйством и капиталистическим.

Сравнивать нашу экономику с капиталистической можно по разным линиям и разными путями. Само капиталистическое хозяйство ведь чрезвычайно неоднородно. Сравнения могут иметь статический характер, т. е. исходить из экономического состояния в настоящий момент, и динамический, основанный на сопоставлении темпов развития. Можно сравнивать национальный доход капиталистических стран и наш. И можно сравнивать коэффициенты производственного расширения. Все такого рода сравнения и сопоставления будут иметь свое значение, одни—бо́льшее, другие — меньшее; нужно только понимать их связь и взаимозависимость. Мы дадим дальше несколько примеров,—в качестве иллюстрации нашей мысли, не более того.

В лице Соединенных Штатов Северной Америки капиталистический процесс достиг своей вершины. Чтобы измерить наличный материальный перевес капитализма над социализмом, поучительно взять этот перевес именно в его крайнем выражении.

Совет съездов американской промышленности опубликовал недавно таблицу, из которой мы заимствуем несколько данных. Население Соединенных Штатов, составляющее около 6% населения земного шара, производит 21% хлебов, 32% других злаков, 52% хлопка, 53% лесных продуктов, 62% чугуна, 60% стали, 57% бумаги, 60% меди, 46% свинца и 72% нефти. На Соединенные Штаты приходится одна треть мирового богатства. Им принадлежит 38% гидравлической силы всего мира, 59% телеграфных и телефонных линий, 40% всех железных дорог и 90% автомобилей.

Мощность электрических станций общего пользования в нашем Союзе достигнет в будущем году 775.000 киловатт; в Соединенных Штатах эта мощность уже в прошлом году достигла 15 млн. киловатт. Что касается фабрично-заводских электрических станций, то перепись 20 года определила их

общую мощность у нас почти в миллион киловатт; в Соединенных Штатах числилось в то же время около $10^1/_2$ миллионов киловатт.

Суммарная производительность труда выражается в национальном доходе, исчисление которого представляет, как известно, большие трудности. По данным нашего Центрального Статистического Управления, национальный доход в Советском Союзе дал за 1923—24 год на одну душу, в среднем, около 100 руб., а в Соединенных Штатах около 550 руб. Иностранные статистики дают, однако, для Соединенных Штатов душевую цифру национального дохода не в 550, а в 1000 руб. Это значит, что средняя производительн ость труда обусловленная оборудованием, организацией, навыками и прочим, в Америке в десять или, по крайней мере, шесть раз выше, чем у нас.

Данные эти, как они ни важны, нисколько, однако, не предрешают нашего поражения в исторической борьбе: не только потому, что капиталистический мир не ограничивается Америкой; не только потому, что в исторической борьбе участвуют могущественные политические силы, порожденные всем предшествующим экономическим развитием,—но и потому, прежде всего, что дальнейшая кривая экономического развития самой Америки представляет собою великую неизвестную. Производительные силы Соединенных Штатов загружены далеко не полностью, а понижение нагрузки означает понижение производительности труда. Рынками Соединенные Штаты вовсе не обеспечены. Проблема сбыта встает перед ними во все большей обнаженности и остроте. Отнюдь не исключено, что в ближайший период сравнительный коэффициент производительности труда будет уравниваться с двух сторон: путем повышения нашего и снижения американского. В несравненно большей степени это вероятно относительно Европы, производственный уровень которой и сейчас много ниже американского.

Ясно одно: перевес капиталистической техники и экономики пока еще огромен; подъем предстоит крутой; задачи и трудности поистине грандиозны. Находить дорогу и проверять ее можно только с измерительными приборами мирового хозяйства в руках.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Динамическое равновесие советского хозяйства ни в каком смысле нельзя мыслить, как равновесие замкнутого и самодовлеющего целого. Наоборот, чем дальше, тем больше внутреннее хозяйственное равновесие будет поддерживаться работой экспорта и импорта. Это обстоятельство надо продумать до конца и сделать из него все выводы. Чем больше мы вовлекаемся в систему международного разделения труда, тем прямее и непосредственнее такие элементы нашего внутреннего хозяйства, как цена и качество товара, попадают в зависимость от соответственных элементов мирового рынка.

До сегодняшнего дня мы развиваем промышленность, оглядываясь на ее довоенный уровень. Для сравнения и для определения ценностных размеров продукции мы пользуемся каталожными ценами 1913 года. Но первоначальный восстановительный период, когда такое сравнение, крайне, впрочем, несовершенное, было уместно, близится к концу, и весь вопрос об измерителях нашего хозяйственного развития передвигается в новую плоскость. Нам нужно будет твердо знать отныне в каждый данный момент, насколько наша продукция по массе своей, по качеству и по цене отстает от продукции европейского или мирового рынка. Завершение восстановительного периода позволит нам, окончательно отбросив в сторону наши собственные каталоги 1913 года, вооружиться сегодняшними каталогами немецких, английских, американских и иных фирм. Нам придется сосредоточить свое внимание на новых индексах, выражающих сравнение нашей продукции с продукцией мирового рынка как со стороны качества, так и со стороны цены. Эти новые измерители, эти сравнительные коэффициенты не государственно-замкнутого, а мирового масштаба будут в дальнейшем единственно правомочны характеризовать отдельные этапы того процесса, который выражается ленинской формулой: „Кто кого?“.

* * *

Решающее значение в антагонистических условиях мирового хозяйства и мировой политики получает темп нашего подъема, т.-е. темп количественного и качественного роста продуктов нашего труда.

Для сегодняшнего дня наша отсталость и бедность представляют несомненный, нами неоспариваемый, наоборот, всемерно подчеркиваемый факт. Систематические сопоставления с мировым хозяйством могут, следовательно, лишь дать этому факту статистическое выражение. Нет ли опасности, что именно в ближайший период, когда мы далеко не успеем еще как следует подняться, мировой рынок задушит нас колоссальным материальным перевесом своих средств? На так поставленный вопрос не может быть какого-либо бесспорного, тем более статистического ответа, как и на вопрос о том, например, не грозят ли фермерско-капиталистические („кулацкие") тенденции увлечь за собой середняка, парализовать воздействие пролетариата на деревню и создать политические препятствия социалистическому строительству? Также нельзя категорически ответить на вопрос, не удастся ли капитализму,—если временная и очень относительная его устойчивость продлится,—мобилизовать против нас серьезные вооруженные силы и путем новой войны затормозить наш хозяйственный подъем? Такие вопросы не допускают ответа в порядке пассивного прогноза. Здесь дело идет о борьбе, где момент творчества, маневрирования, энергии и пр. играет огромную, в некоторые моменты решающую роль. Исследование этих вопросов не входит в задачу настоящей работы, где мы пытаемся установить внутренние тенденции экономического развития, абстрагируя их по возможности от других факторов.

Во всяком случае, на вопрос о том, не может ли мировой рынок подавить нас одним своим экономическим перевесом, приходится ответить: мы вовсе не безоружны перед мировым рынком; наша экономика ограждена определенными государственными учреждениями, применяющими всестороннюю систему социалистического протекционизма. Насколько она, однако, действительна? На этот счет нас может кое-чему научить история капиталистического развития. В течение долгих периодов Германия или Соединенные Штаты отставали в промышленном отношении от Англии на такую дистанцию, которая могла казаться неопредолимой. Использование естественных и исторических обстоятельств позволило затем этим отсталым странам под прикрытием покровительственных пошлин догнать и даже

обогнать передовую. Государственные границы, государственная власть и таможенная система представляли могущественный фактор в истории капиталистического развития. В еще большей степени это относится к социалистической стране. Глубоко продуманная, настойчивая и гибкая система социалистического протекционизма тем важнее для нас, чем обширнее и сложнее становятся наши связи с капиталистическим рынком.

Само собою разумеется, однако, что протекционизм, высшим выражением которого является монополия внешней торговли, отнюдь не всесилен. Он может сдерживать напор капиталистической товарной массы, регулируя его в соответствии с потребностями внутреннего производства и потребления. Этим самым протекционизм может обеспечить социалистической промышленности необходимые ей сроки, чтобы поднять свой производственный уровень. Без монополии внешней торговли был бы невозможен наш восстановительный процесс. Но, с другой стороны, только наши реальные производственные успехи позволяют сохранять систему социалистического протекционизма. И в дальнейшем монополия внешней торговли, ограждая внутреннюю промышленность от непосильных для нее пока внешних толчков, не может, разумеется, заменить развитие самой промышленности, подлежащее отныне измерению коэффициентами мирового рынка.

Нынешние наши сравнения с довоенным уровнем производятся только под углом зрения количества и цены. Продукт берется не по составу, а по имени. Это, конечно, неправильно. Сравнительные производственные коэффициенты должны охватывать и вопросы качества. Без этого они могут стать источником или орудием самообмана. Мы имели на этот счет некоторый опыт в связи со снижением цен, которое в отдельных случаях перекрывалось снижением качества. При равенстве качества одного и того же товара, нашего и заграничного, сравнительный коэффициент определится разницей себестоимости. При равенстве себестоимости—разницей качества. Наконец, при различии себестоимости и качества требуется комбинированная оценка того и другого. Определение себестоимости есть дело производственной калькуляции. Качество товара может быть определено в большинстве случаев лишь при помощи нескольких измерителей. Классическим примером слу-

жит электрическая лампочка—ее качества определяются: сроком, в течение которого она служит; количеством энергии, которую она поглощает на свечу; равномерностью распределения света и пр.

Установление определенных технических норм и производственных стандартов, в том числе и стандартов „качества" чрезвычайно облегчает выработку сравнительных коэффициентов. Отношение наших стандартов к стандартам мирового рынка будет, для каждого данного периода, величиной постоянной. Нужно только знать, соответствует ли наш продукт установленному стандарту. Что касается ценностных сравнений, то при установленном соотношении качества вопрос этот разрешается совершенно просто. Комбинированный коэффициент получается путем простого умножения. Если какой-либо наш товар в два раза хуже заграничного и в полтора раза дороже, то сравнительный коэффициент будет $^1/_3$.

Ссылки на то, что нам неизвестна иностранная себестоимость, верны, но имеют для дела второстепенное значение. Достаточно того, что нам известна цена: она печатается в каталогах. Разница между себестоимостью и ценой называется прибылью. Снижение собственной себестоимости позволит нам сравняться в ценах с мировым рынком, независимо от иностранной себестоимости. Это и будет, по существу, решением основного вопроса ближайшего периода, после чего—правда, еще не столь скоро—откроется третий период, задачей которого будет победить на мировом рынке капиталистическую продукцию изделиями социалистического хозяйства.

Иногда возражают, что число товаров чрезвычайно велико, и что выработка сравнительных коэффициентов представляет „непосильную" задачу. На это можно ответить двояко. Во-первых, все товары, какие ни есть, проходят через калькуляцию, записываются в книги и каталоги, и в такой работе ничего непосильного, несмотря на многочисленность товаров, нет. Во-вторых, можно на первое время ограничиться лишь наиболее важными для массового потребления продуктами и, так сказать, узловыми товарами для каждого производства, предполагая, что остальные товары занимают промежуточные места в системе сравнительных оценок.

Другое возражение ссылается на трудности измерения и даже простого определения качества. В самом деле, что такое

качество ситца,—прочность его, вес хлопка в квадратном аршине, устойчивость краски, привлекательность для глаза? Трудности измерения качества большинства товаров отрицать нельзя. Тем не менее, задача эта вовсе не неразрешима. Не нужно только подходить к ней с какими-либо надуманными или абсолютными критериями. В отношении ситца, расчитанного на крестьянский и рабочий рынок, на первом месте стоит прочность ткани, на втором—устойчивость краски. Если эти два момента измерить,—а это вполне осуществимо при помощи строго объективных методов,—то мы будем иметь основную характеристику качества, выраженную числом. Еще легче и проще дать точный, т.-е. числом выраженный, сравнительный коэффициент нашего плуга, нашей молотилки, нашего трактора и тех же машин американского производства. Этот вопрос в ближайшие годы будет играть для сельского хозяйства такую же роль, как для промышленности—вопрос об обновлении основного капитала. При покупке лошади или коровы крестьянин сам устанавливает—и притом с замечательной точностью—все необходимые „коэффициенты". При покупке машины он почти беспомощен. Обжегшись на плохой шестерне, он передает и соседям страх перед покупкой машин. Нужно, чтобы крестьянин твердо знал, какую машину он покупает. Советская молотилка должна иметь свой товарный паспорт, на который и будет опираться сравнительный коэффициент. Крестьянин будет знать, что покупает, а государство будет знать соотношение между нашим производством и американским *.

Идея сравнительных коэффициентов, которая на первый взгляд может представиться отвлеченной и чуть ли не кабинетной, на самом деле глубоко жизненна и буквально-таки выпирает из всех условий хозяйства и даже из всех щелей быто-

* Приведя выше некоторые примерные возражения, мы этим вовсе не хотим сказать, что идея сравнительных коэффициентов наталкивается на сопротивление заинтересованных кругов. Наоборот, наши производственники, работники государственной торговли, кооперации и научно-технических институтов, чрезвычайно сочувственно относятся к этой мысли, как вытекающей из всего нашего хозяйственного развития. Соответственные работы уже ведутся как по линии Особого Совещания по качеству продукции, так и по линии научно-технических институтов.

вого обихода. Нынешние наши сравнительные коэффициенты, исчисляемые по отношению к довоенному уровню, также имели не только теоретическое, но и бытовое обоснование. Массовый потребитель, не имеющий доступа к статистическим таблицам и кривым цен, пользуется потребительской памятью, своей собственной и своей семьи. Статистическая таблица говорит об известных процентах довоенного уровня, взятых почти исключительно с количественной стороны, а потребительская память добавляет: „в мирное время" (т.-е. до империалистской войны) сапоги стоили столько-то рублей и носились столько-то месяцев. Каждый раз при покупке сапог потребитель прикидывал в голове сравнительный коэффициент. Такую операцию производил всякий покупатель: кожевенный трест, покупая машины у воронежского машиностроительного завода или у киевского, и крестьянка, покупавшая на базаре три аршина ситца,—с той лишь разницей, что трест сравнивал по каталогам и бухгалтерским книгам, а крестьянка—по памяти. И нужно сказать, что во многих случаях сравнительные коэффициенты крестьянки, как основанные на непосредственном жизненном опыте, оказывались куда реальнее трестовских коэффициентов, составленных наспех, почти всегда без учета качества, а иногда и тенденциозно. Так или иначе, но статистические выкладки, экономический анализ и повседневная работа потребительской памяти сходились на том, что искали точки отправления в условиях довоенного хозяйства.

Эта своеобразная национальная ограниченность с оглядкой назад ныне приближается к концу. Связь наша с мировым рынком уже и сейчас достаточна для того, чтобы на каждом шагу толкать нас на путь сравнения наших товаров с иностранными. И по мере того, как старые сравнения расплываются, ибо воспоминания о довоенных продуктах уходят из памяти, особенно у молодого поколения, новые сравнения становятся все более яркими, ибо они опираются не на воспоминания, а на живые факты каждого дня. Наши хозяйственники привозят из за-границы предложения определенных фирм на определенные товары, каталоги разных фирм и, наконец, свой личный потребительский опыт. Совсем несуществовавший в истекшие годы вопрос о том, что стоит тот или другой товар за-границей и

насколько он отличается качеством от нашего, встает сейчас на каждом шагу. Поездки за-границу будут все учащаться. Нам надо тем или иным путем провести через иностранную промышленность наших трестовиков, фабрично-заводских директоров, лучших студентов-техников, мастеров, монтеров, квалифицированных рабочих, разумеется, не сразу, а с соблюдением необходимой очередности. Цель таких поездок и состоит ведь в том, чтобы дать возможность основному кадру хозяйственников-производственников оценить со всех сторон каждый неблагополучный „сравнительный коэффициент", чтобы тем лучше повернуть его к нашей выгоде.

Было бы бюрократической ограниченностью думать, что процесс ориентации на Запад захватывает только хозяйственные верхи. Наоборот, он имеет глубоко массовый характер, захватывая разными путями основные потребительские низы. Не малую роль в этом направлении играет контрабанда. Не нужно недооценивать ее. Контрабанда есть, хотя и не похвальная, но все же весьма существенная часть хозяйственной жизни, притом целиком основанная на сравнительных коэффициентах мирового хозяйства, ибо контрабандист ввозит только такую иностранную продукцию, которая значительно лучше и дешевле, чем наша собственная. Борьба за качество продукции,—заметим мимоходом,—есть поэтому наилучший способ борьбы с контрабандой, выкачивающей сейчас из страны валюту на десятки и десятки миллионов рублей. Контрабанда питается, главным образом, мелкими изделиями, но именно эта мелочь наиболее глубоко проникает во все поры житейского обихода*.

Есть еще одна область, где сравнение с за-границей, в сущности, не переставало действовать никогда: это область сельско-хозяйственных машин и орудий. Крестьянин знал австрийскую косу и всегда сравнивал ее с нашей. Он знал американца Мак Кормика, канадца Гариса, австрийца Гейда и проч. Сейчас, по мере подъема сельского хозяйства и спроса на сельско-хозяйственные машины и орудия, все эти сравнения оживают, а на них сверху накладывается новое сравнение аме-

* Изучение контрабандных товаров чрезвычайно важно как со специально-производственной, так и с народно-хозяйственной точки зрения.

риканского Фордзона и нашего. Когда у крестьянина, купившего конную молотилку, плохая железная шестеренка на глазах изгрызается в два-три часа, то он отмечает этот факт таким трехъэтажным коэффициентом, дальше которого уже итти некуда.

Что касается рабочего, то он ближе всего сталкивается со сравнительными коэффициентами не в отношении тех продуктов, которые сам производит, а в отношении тех, которые ему служат для производства и отчасти для потребления. Он знает качество американского и русского станка, инструмента, чугунного литья, измерительных приборов и проч. Незачем говорить, что высоко-квалифицированные рабочие относятся к этим различиям с величайшей чуткостью, и что одной из задач производственного воспитания является повышение этой чуткости.

Сказанного, думается нам, достаточно для доказательства того, что сравнительные коэффициенты мирового производства для нас не выдумка, а первостепенный практический вопрос, отражающий новые задачи нашего хозяйственного развития.

Система такого рода сравнительных коэффициентов даст нам сегодняшний поперечный разрез нашего хозяйства в свете достижений хозяйства мирового. Средне-взвешенный коэффициент для всей продукции будет обозначать измеренную точным числом степень нашей производственно-технической отсталости. Периодическое измерение товарных коэффициентов и средневзвешенного коэффициента даст нам картину наших достижений и измерит их темп как в отдельных отраслях, так и в промышленности в целом.

При езде в телеге отмеряют версты на глаз или по слухам; автомобиль идет с автоматическим счетчиком. Наша промышленность должна будет в дальнейшем продвигаться с международным счетчиком, на показаниях которого мы будем основывать не только важнейшие хозяйственные мероприятия, но и многие наши политические решения. Если верно, что победа общественного режима определяется повышением производительности труда,—а это для марксистов бесспорно,—то правильное количественное и качественное измерение продукции советского хозяйства нам одинаково нужно как для текущих рыночных задач, так и для оценки очередных этапов нашего исторического пути.

ТЕМП РАЗВИТИЯ, ЕГО МАТЕРИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ, ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

В 1922—24 г.г. общий промышленный подъем определялся, главным образом, легкой индустрией. В текущем году преобладание начинает переходить к отраслям промышленности, вырабатывающим средства производства. Однако, и эти последние восстанавливаются пока еще на базе использования старого основного капитала. В предстоящем хозяйственном году, в течение которого унаследованный от буржуазии основной капитал будет загружен на 100%, мы приступаем к широким работам по обновлению основного капитала. Всего намечено Госпланом капитальных затрат по промышленности (с электрификацией) на 880 миллионов руб., по транспорту—на 236 миллионов рублей, по жилстроительству и проч. видам строительства—на 365 миллионов рублей, по сельскому хозяйству—на 300 миллионов рублей,—итого почти на 1.800.000.000 руб., в том числе свыше 900 миллионов рублей новых вложений, т.-е. из новых накоплений всего хозяйства. Этим пока еще только намеченным и отнюдь не до конца проверенным планом создается крупнейший сдвиг в распределении материальных ресурсов страны. До сих пор мы работали на готовом основном капитале, лишь частично пополняя его. В дальнейшем нам придется созидать основной капитал заново. В этом основное отличие наступающего хозяйственного периода от того, который истекает.

С точки зрения отдельного хозяйственника, скажем, трестовика, может представляться, что темп развития зависит от того кредита, который предоставляется банками. „Дайте мне столько-то миллионов, и я поставлю новую крышу и станки, удесятерю продукцию, вдвое снижу себестоимость и сравняюсь с европейским качеством“,—сколько раз приходится слышать эту фразу. Но суть в том, что финансирование ни в каком случае не является первичным фактором. Темп хозяйственного развития определяется материальными условиями самого же производственного процесса. Об этом в высшей степени кстати напоминает объяснительная записка Госплана. „Универсальной

границей,—говорит она,—возможного темпа народно-хозяйственного развития,—границей, определяющей собой все частные лимитирующие (ограничивающие) факторы, надо признать размеры национального накопления в его материальной форме, т.-е. совокупность тех вновь произведенных благ, которые остаются за покрытием потребностей простого воспроизводства и составляют, таким образом, материальную базу расширенного воспроизводства и реконструкции".

Кредитные билеты, акции, облигации, векселя и прочие „бумажные ценности" для вопроса об объеме и темпе хозяйственного развития сами по себе значения не имеют: это лишь вспомогательные орудия для учета и распределения материальных ценностей. Разумеется, с частно-капиталистической и вообще частно-хозяйственной точки зрения ценности эти имеют самостоятельное значение; они обеспечивают за обладателями известную сумму материальных ценностей. Но с народно-хозяйственной точки зрения, которая в наших условиях очень близко совпадает с государственной, бумажные ценности сами по себе ничего не прибавляют к той массе материальных продуктов, которая служит базой расширяющегося производства. От этой реальной базы, следовательно, и надо исходить. Направление денежных средств через бюджет, через банки, через заем хозяйственного восстановления, через промышленный фонд и пр. является только методом распределения между разными отраслями хозяйства соответственных материальных продуктов.

В довоенные годы промышленность наша вырастала в среднем за год на шесть—семь процентов. Этот коэффициент надо признать довольно высоким. Но он покажется совершенно незначительным по сравнению с коэффициентами нынешнего времени, когда промышленность поднимается за год на 40—50%. Было бы, однако, грубой ошибкой просто-напросто сопоставлять эти коэффициенты роста. До войны расширение промышленности в основе своей состояло в постройке новых заводов. В наше время расширение в гораздо большей степени состоит в использовании старых заводов и загрузке старого оборудования. Отсюда исключительный темп подъема. Естественно, следовательно, если с завершением восстановительного

процесса, коэффициент роста должен будет значительно снизиться. Обстоятельство это имеет исключительную важность, так как оно определяет, в значительной мере, наше положение в капиталистическом мире. Борьба за наше социалистическое место „под солнцем" должна неизбежно стать борьбой за возможно более высокий коэффициент производственного роста. Базой и вместе „лимитом" этого роста является, однако, наличная масса материальных ценностей.

Но если дело обстоит так; если восстановительный процесс воссоздает в основе старые взаимоотношения между сельским хозяйством и промышленностью; между внутренним и внешним рынком (вывоз хлеба и сырья, ввоз машин и фабрикатов), не значит ли это, что он воссоздает и довоенный коэффициент роста, и что нам с высоты нынешних 40—50% придется через год—два спуститься к довоенным 6%? Этот вопрос не допускает, разумеется, сейчас совершенно точного ответа. Тем не менее, мы с уверенностью скажем, что, при наличии социалистического государства, национализованной промышленности и укрепляющегося регулирования основных хозяйственных процессов, в том числе экспортных и импортных,—мы можем и после достижения довоенного уровня сохранить коэффициент роста, далеко превосходящий как наш довоенный, так и средний капиталистический коэффициент.

В чем наши преимущества? Мы их уже называли.

Во-первых: у нас нет или почти нет паразитических классов. Фактическое накопление до войны составляло не 6%, а, по крайней мере, в два раза больше. Но только половина накопленных средств получала производственное применение. Другая половина хищнически и паразитически расточалась. Таким образом, одно упразднение монархии, бюрократии, дворянства и буржуазии обеспечивает, при прочих необходимых условиях, повышение коэффициента роста с 6% до 12% или, скажем, по крайней мере, до 9—10%.

Во-вторых: устранение частно-капиталистических перегородок дает возможность хозяйствующему государству со всей необходимой свободой мобилизовать в каждый данный момент необходимые средства на необходимом хозяйственном участке. Непроизводительные накладные расходы хозяйственного парал-

лелизма, конкуренции и пр. сильно уменьшились и будут еще более уменьшаться впредь. Только благодаря этим условиям мы без иностранной помощи достигли столь быстрого подъема за последние годы. В дальнейшем одно лишь плановое распределение сил и средств даст нам в несравненно большей степени, чем до сих пор, возможность получать, при затрате тех же ресурсов, более высокий, по сравнению с капиталистическим обществом, производственный результат.

В-третьих: едва начатое нами внесение планового начала в технику производства (стандартизация, специализация заводов, их сочетание в единый производственный организм) обещает уже в ближайшее время серьезное и притом все возрастающее повышение производственного коэффициента.

В-четвертых: капиталистическое общество живет и развивается периодическими сменами подъемов и кризисов, которые в послевоенную эпоху получили характер болезненных спазм. Правда, и наше хозяйство не свободно от кризисов. Более того: растущая связь с мировым рынком, как мы это покажем в дальнейшем, является возможным источником кризисов в нашем собственном хозяйстве. Тем не менее, рост планового предвидения и регулирования может и должен чрезвычайно смягчить у нас кризисные этапы развития и тем самым обеспечить значительное прибавочное накопление.

Таковы четыре преимущества наши, которые в большой степени обнаружили свое действие уже и в истекшие годы. Значение их не ослабеет, а, наоборот, чрезвычайно возрастет вместе с завершением восстановительного периода. В совокупности своей они создадут нам, при правильном их использовании, возможность уже в ближайшие годы поднять коэффициент промышленного роста не только в два, но и в три раза выше довоенных 6%, а, может быть, и более того.

Вопрос, однако, этим не исчерпывается. Перечисленные нами преимущества социалистического хозяйства обнаружат свое действие не только на внутренних хозяйственных процессах, но и чрезвычайно возрастут, опираясь на возможности, открываемые мировым рынком. Мы выше рассматривали этот последний, главным образом, под углом зрения заложенных в нем экономических опасностей. Но ведь капиталистический рынок

содержит для нас не одни угрозы,—он открывает и величайшие возможности. Мы получаем все более широкий доступ к высшим достижениям научной техники и к наиболее сложным ее продуктам. Если, таким образом, мировой рынок, втягивая в себя социалистическое хозяйство, порождает новые опасности, то он же открывает для правильно регулирующего свой оборот социалистического государства могущественные средства противодействия этим опасностям. Правильно пользуя мировой рынок, мы можем чрезвычайно ускорить процесс изменения сравнительных коэффициентов к выгоде для социализма.

Разумеется, продвигаться вперед мы будем строго промеряя дно, так как по этой реке социалистический корабль проходит впервые. Но все данные говорят за то, что фарватер, чем дальше, тем будет шире и глубже.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СРЕДСТВА МИРОВОГО РЫНКА

С народно-хозяйственной точки зрения, в отличие от частно-хозяйственной, бумажные ценности сами по себе не могут ускорить производственный подъем, как тень человека не может увеличить его рост. С международно-хозяйственной точки зрения вопрос представляется уже иначе. Американские банкноты сами по себе не могут родить ни одного трактора; но если изрядное количество таких банкнот принадлежит советскому государству, то можно ввезти тракторы из Соединенных Штатов.

По отношению к мировому капиталистическому хозяйству советское государство выступает, как гигантский частный собственник: экспортирует свои товары, импортирует чужие, пользуется кредитом, покупает иностранную техническую помощь, наконец, привлекает иностранный капитал в форме смешанных обществ и концессий.

„Восстановительный" процес восстановил нас и в правах состояния на мировом рынке. Нельзя, значит, ни на минуту забывать ту огромную взаимозависимость, какая существовала между хозяйством капиталистической России и мировым капиталом. Достаточно напомнить, что почти две трети оборудования наших фабрик и заводов ввозились из за-границы. Вряд-ли это соотношение значительно изменилось и для нашего времени. Это значит, что вряд ли нам будет хозяйственно выгодно в ближайшие годы производить машинное оборудование у себя больше, чем, скажем, на две пятых или, в лучшем случае, на половину. Если бы мы сразу совершили резкую передвижку средств и сил в сторону производства новых машин, то мы либо нарушили бы необходимые пропорции между

разными отраслями хозяйства и между основным и оборотным капиталом в одной и той же отрасли, либо, сохранив эти пропорции, сильно снизили бы общий коэффициент роста. А для нас замедление темпа гораздо опаснее, чем ввоз иностранных машин, как и вообще необходимых иностранных товаров.

Мы заимствуем иностранную технику, иностранную производственную рецептуру. Наши инженеры все в большем числе выезжают в Европу и в Америку, и те из них, которые умеют смотреть, вывозят оттуда все, что может ускорить наш хозяйственный подъем. Мы все больше прибегаем к прямой покупке иностранной технической помощи, связывая наши тресты с выдающимися иностранными фирмами, которые берут на себя обязательство в течение такого-то срока развернуть у нас производство определенных изделий.

Решающее значение внешней торговли для нашего сельского хозяйства совершенно очевидно. Индустриализация, а следовательно, и коллективизация земледелия пойдут параллельно с ростом экспорта. В обмен на продукты земледелия мы получаем сельско-хозяйственные машины или машины для производства сельско-хозяйственных машин.

Но дело идет не только о машинах. Каждый иностранный продукт, который может заполнить у нас известную прореху в системе хозяйства, будет ли это сырье, полуфабрикат или предмет потребления, может, в известных условиях, облегчить нашу хозяйственную работу, ускорив ее темп. Разумеется, ввоз предметов роскоши, предметов паразитического потребления может только задержать наше развитие. Но своевременный ввоз тех или других предметов потребления, если они служат для установления необходимого равновесия на рынке и для заполнения прорех в рабочем или крестьянском бюджете, только ускорит наше общее экономическое движение вперед.

Во внешней торговле, руководимой государством и гибко дополняющей работу государственной промышленности и внутренней торговли, мы имеем могущественное орудие ускорения нашего хозяйственного роста. Оплодотворяющее значение внешней торговли будет, разумеется, тем больше, чем более широкие кредитные возможности она себе завоюет на мировом рынке.

Что означает иностранный кредит для нашей хозяйственной динамики? Капитализм авансирует нас под те накопления, которых еще нет, которые мы еще только должны создать через год, через два или через пять. Этим самым база нашего подъема раздвигается за рамки наших сегодняшних материальных накоплений. Если при помощи европейского технического рецепта мы можем ускорить процесс производства, то тем более—при помощи европейской или американской машины, полученной в кредит. Диалектика исторического развития приводит к тому, что капитализм становится на некоторое время кредитором социализма. Что же, разве сам капитализм не питался от феодальных сосцов? Исторический долг платежом красен.

Сюда же относятся концессии. В концессии сочетаются перенесение к нам иностранного оборудования, производственной рецептуры и „авансирование" нашего хозяйства средствами мировых капиталистических накоплений. В ряде отраслей промышленности концессии могут и должны получить крупнейшее значение. Незачем говорить, что пределы концессионной политики остаются те же, что и вообще в отношении частно-капиталистических форм: государство сохраняет за собою командные высоты и зорко блюдет за безусловным и решающим перевесом государственной промышленности над концессионной. Но и в этих рамках для концессионной политики остаются еще широкие пределы.

Сюда же, наконец, относятся, как увенчание всей системы, возможные государственные займы. Такой заем есть наиболее чистая форма аванса под наши будущие социалистические накопления. Данное в заем золото, как товар всех товаров, обеспечивает возможность покупать за-границей готовые изделия, сырье, машины, патенты и привлекать к нам из Европы и Америки лучших конструкторов и техников.

Из всего сказанного вытекает необходимость для нас все более правильной, т.-е систематически и научно поставленной ориентировки во всех вопросах, связанных с мировым хозяйственным оборотом. Какие машины ввозить? для каких заводов? когда? какие другие товары ввозить и в какой очередности? в какой пропорции распределять валютный фонд между разными отраслями промышленности? каких выписывать спе-

циалистов? в какие отрасли хозяйства привлекать концессионные капиталы? в каком масштабе? в какие сроки? Совершенно очевидно, что эти вопросы нельзя решать со дня на день, на глаз, под влиянием отдельных хозяйственных толчков. Мысль наших хозяйственников упорно, настойчиво и отнюдь не безуспешно занята сейчас разработкой методологических подходов к разрешению намеченных выше вопросов и многих других, неразрывно с ними связанных, прежде всего, вопросов экспорта. Дело идет о сохранении динамической пропорциональности между основными отраслями промышленности и всего хозяйства, путем своевременного включения в эту пропорциональность таких элементов мирового хозяйства, которые помогли бы ускорять динамику процесса в целом. Для разрешения возникающих отсюда отдельных практических вопросов, как и для выработки перспективных планов—годового, пятилетнего и более длительных — система сравнительных коэффициентов должна стать неоценимым и незаменимым подспорьем. В важных областях промышленности, где сравнительный коэффициент дает нам особо неблагоприятные показания, устанавливается тем самым необходимость обращения за-границу: за готовыми ли продуктами, за патентами ли и рецептами, за новым оборудованием, за специалистами или за концессиями. Внешняя торговая политика, как и концессионная, могут стать действительно инициативными и плановыми, только опираясь на широко разработанную систему сравнительных коэффициентов промышленности.

Те же методы лягут в дальнейшем в основу разрешения вопроса об обновлении основного капитала и расширении производства. В каких отраслях промышленности обновлять оборудование в первую голову? Какие строить новые заводы? Незачем пояснять, что потребности и заявки далеко превосходят всякие возможности. Каким же путем идти к разрешению вопроса?

Первым делом, разумеется, нужно привести в известность те накопления, которые могут пойти на переоборудование заводов и создание новых. Наиболее неотложные и острые потребности мы будем покрывать из собственных накоплений. Если путь к другим источникам окажется закрыт, то внутрен-

ние накопления и определят объем расширения производства.

Параллельно с этим необходимо установить очередность заявок под углом зрения потребностей хозяйственного процесса в целом. Сравнительные коэффициенты и явятся тут прямыми указателями на те области хозяйства, которые в первую очередь требуют капитальных вкладов.

Таков в самых грубых чертах—с сознательным устранением целого ряда осложняющих моментов—переход к плановому разрешению вопросов, связанных с обновлением и расширением основного капитала промышленности.

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА

Государство, имеющее в своих руках национализованную промышленность, монополию внешней торговли и монополию привлечения иностранного капитала в ту или другую область хозяйства, располагает, тем самым, богатым арсеналом средств, комбинируя которые оно может ускорить темп хозяйственного развития. Но все эти средства, хотя и вытекающие из природы социалистического государства, как такового, не вторгаются еще, по существу, в область производственных процессов. Другими словами, если бы мы даже сохраняли до сего дня все заводы и фабрики в том виде, в каком они действовали в 1913 году, национализация их и при этом условии давала бы нам огромные выгоды путем планового и экономного распределения средств.

Хозяйственные успехи восстановительного периода достигнуты, в огромной степени, именно благодаря социалистическим методам производственного распределения, т.-е. плановым или полу-плановым методам обеспечения необходимыми ресурсами различных отраслей народного хозяйства. Возможности, вытекающие из наших отношений с мировым рынком, мы рассматривали также преимущественно с точки зрения ресурсов производства, а не его внутренней организации.

Нельзя, однако, ни на минуту забывать, что основные преимущества социализма лежат в области самого производства. Эти преимущества, использованные нами пока лишь

в ничтожной степени, открывают необозримые возможности в деле ускорения темпа хозяйственного развития. На первом месте надо поставить: подлинную национализацию научно-технической мысли и всякого производственного изобретательства; централизованно - плановое разрешение вопросов энергетики всего хозяйства в целом и каждого района в отдельности; стандартизацию (или нормализацию) всех остальных изделий, и, наконец, последовательную специализацию заводов.

Работа научно-технической мысли не знает у нас перегородок частной собственности. Каждое организационно-техническое достижение любого предприятия, каждое улучшение химической или иной рецептуры могут немедленно же сделаться достоянием всех заинтересованных фабрик и заводов. Научно-технические институты имеют возможность проверять свои предположения на любом из государственных предприятий, и любое из предприятий может, через посредство институтов, в любой момент использовать для себя собирательный опыт промышленности в целом. Научно-техническая мысль у нас в принципе обобществлена. Но мы еще и в этой области далеко не освободились от консервативных перегородок, отчасти идейных, отчасти материальных, которые достались нам в наследство вместе с национализованной собственностью капиталистов. Мы лишь учимся все шире пользоваться возможностями, вытекающими из национализации научно-технического творчества. На этом пути можно в ближайшие годы достигнуть неисчислимых выгод, которые, в совокупности своей, сводятся к одному для нас неоценимому результату: ускорению темпа развития.

Другим источником величайшей экономии, а следовательно, и повышения производительности труда может стать правильное энергетическое хозяйство. Потребность в движущей силе характеризует все отрасли промышленности, все предприятия, всю вообще материальную деятельность человека. Это значит, что движущую силу можно, в качестве общего множителя, вывести (в большей или меньшей мере) за скобки всех отраслей промышленности. Ясно, какую гигантскую экономию мы получим, когда обезличим энергию, отделив ее от отдельных заводов, с которыми ее связывала только частная собственность, но не техническая или народно-хозяйственная целесообразность.

Плановая электрификация есть только часть общей программы по рационализации теплового и силового хозяйства. Без проведения такой программы национализация средств производства не дала бы важнейших своих плодов. Частная собственность, отмененная как правовой институт, еще и сейчас осталась закрепленной в организации самих предприятий, представлявших собой технически-замкнутые мирки. Задача состоит в том, чтобы принцип национализации все глубже проникал в производственный процесс, в его материально-технические условия. Надо на деле национализовать энергетику. Это относится к тем силовым установкам, которые существуют, и еще в большей мере к тем, которые предстоит создать. Комбинат Днепростроя, намеченный, как сочетание мощной энергетической станции и целого ряда промышленных и транспортных потребителей дешевой энергии, уже в техническом замысле своем построен на принципе социализма. Предприятиям такого типа принадлежит будущее.

Следующим рычагом промышленного подъема является стандартизация изделий. Ей подлежат не только спички, кирпичи и ткани, но и сложнейшие машины. Надо исключить произвол заказчика, который вытекает не из его потребностей, а из его беспомощности. Каждый заказчик вынужден импровизировать и искать—вместо того, чтобы получать готовые, наиболее приспособленные для его задач научно-выверенные образцы. Стандартизация должна свести к минимуму количество типов каждого изделия, сообразуясь лишь с основными условиями районов или специфическим характером производственных потребностей.

Стандартизация есть обобществление, внесенное в технику производства. Мы видим, как и в этой области техника передовых капиталистических стран прорывает оболочку частной собственности и становится на путь, который, по существу, является принципиальным отрицанием конкуренции, „свободы труда“ и всего, что с этим связано.

Соединенные Штаты сделали огромные успехи в области удешевления продукции путем стандартизации ее свойств и качеств и выработки научно-технических норм производства. Департамент стандартов (Division of Simplified Practice), совместно с заинтересованными производителями и потребителями,

проделал работу, охватившую многие десятки промышленных изделий, крупных и мелких. В результате ее установлено производство 500 типов напильников вместо 2.300; 70 типов плетеной проволоки вместо 650; 3 типов кирпичей вместо 119; 76 типов плугов вместо 312; 29 типов сеялок вместо почти 800; наконец, 45 образцов перочинных ножей вместо 300. Стандартизация встречает новорожденного: упрощение детских колясок дало общую экономию в 1700 тонн железа и 35 тонн олова. Стандартизация не покидает больного: тип госпитальных кроватей с 40 сведен до одного. Нормализованы также и похоронные принадлежности: из производства гробов исключены медь, латунь, бронза, шерсть и шелк. Экономия на мертвецах, подведенных под стандарт, дает тысячи тонн металла и угля, сотни тысяч метров дерева и пр.

Техника вынудила к стандартизации наперекор условиям капитализма. Социализм властно требует стандартизации, открывая для нее неизмеримо более широкие возможности. Мы, однако, едва приступили к этой работе. Рост промышленности создал для нее ныне необходимые материальные предпосылки. По линии стандартизации должны итти все процессы обновления основного капитала. По сравнению с американским, число типов изделий должно быть сокращено у нас в несколько раз.

Стандартизация не только допускает, но и предполагает высшую специализацию заводов. От заводов, где все производится кое-как, мы должны придти к заводам, где нечто производится в совершенстве.

Надо, однако, сказать, что, к стыду нашему, и теперь еще, у порога восьмой годовщины социалистического хозяйства, приходится не раз слышать от хозяйственников, даже от инженеров, жалобы на то, что специализация производства угашает „дух“, сужает размах творчества, делает работу завода однообразной, „скучной“ и проч. и т. п. Эти плаксивенькие и насквозь реакционные рассуждения до чрезвычайности напоминают старые толстовско-народнические рацеи о преимуществах кустарной промышленности над фабричной. Задача превращения всего хозяйства в цельный, автоматически действующий механизм есть самая грандиозная задача, какую вообще можно себе представить. Она открывает неограниченное поприще для

технического, организационного и экономического творчества. Задача эта разрешима, однако, только при условии все более смелой и настойчивой специализации заводов, автоматизации производства и все более совершенного включения специализованных заводских гигантов в одну производственную цепь.

Нынешние достижения иностранных лабораторий, мощность иностранных силовых станций, обширность американских стандартных работ и успехи американских заводов в области специализации неизмеримо превосходят наши сегодняшние начания на этом пути. Но наши государственные и имущественно правовые условия неизмеримо благоприятнее для этой цели, чем условия любой из капиталистических стран. И это наше преимущество будет сказываться все более победоносно по мере нашего продвижения вперед. Практически задача сводится к промерке всех возможностей и к использованию всех ресурсов. Результаты не замедлят сказаться, и тогда мы их подсчитаем.

КРИЗИСЫ И ДРУГИЕ ОПАСНОСТИ МИРОВОГО РЫНКА

Когда связь наша с мировым рынком была минимальной, конъюнктурные колебания капитализма воздействовали на нас не столько непосредственно, по каналам товарооборота, сколько через политику, то обостряя, то смягчая наши взаимоотношения с капиталистическим миром. Мы приучились, в соответствии с этим, рассматривать развитие нашего хозяйства почти совершенно независимо от хозяйственных процессов, совершающихся в капиталистическом мире. И после восстановления у нас рынка, а вместе с ним рыночных колебаний, кризисов сбыта и пр. мы оценивали все эти явления совершенно независимо от капиталистической динамики на Западе или в Америке. И мы были правы, поскольку наш восстановительный процесс совершался в границах почти что замкнутого хозяйства. Но с быстрым ростом экспорта и импорта положение радикально меняется. Мы превращаемся в составную—в высшей степени своеобразную, но все же составную часть мирового рынка. А это значит, что его общие факторы, преломляясь и видоизменяясь, так или иначе должны отразиться и на нашем хозяйстве. Очередной фазис экономики нагляднее всего выра-

жается в том, как рынок покупает и как он продает. Мы выступаем на мировом рынке и как продавцы и как покупатели. Этим самым мы экономически подпадаем, в той или другой степени, под действие торгово-промышленных приливов и отливов мирового рынка.

Значение этого обстоятельства станет нам яснее, если мы путем сопоставления вскроем, что нового несет оно нам. При всяком крупном хозяйственном толчке („ножницы", кризис сбыта и пр.) наше общественное мнение напряженно разбиралось в вопросе о том, неизбежны ли у нас кризисы, в каком размере и пр. При этом мы, в соответствии с нашей хозяйственной действительностью, не выходили обыкновенно из рамок почти-замкнутого хозяйства. Мы сопоставляли плановый элемент, экономической базой которого является национализованная промышленность, и стихийно-рыночный элемент, хозяйственной основой которого является деревня. Сочетание плана и стихии представляет тем большие трудности, что экономическая стихия зависит от естественной. Отсюда вырастала такая перспектива: рост планового начала будет совершаться по мере роста промышленности, роста ее влияния на сельское хозяйство, индустриализации и кооперирования этого последнего и проч. Этот процесс, как бы мы ни определяли его темп, мыслился как планомерно восходящий процесс. Но путь и здесь оказывается весьма зигзагообразный, и мы подошли к новому его коленчатому изгибу. Яснее всего это видно на экспорте хлеба.

Вопрос идет теперь не только об урожае, но и о реализации урожая, не только на нашем рынке, но и на европейском. Экспорт хлеба в Европу зависит от покупательной способности Европы, а покупательная способность индустриальных стран (хлеб ввозят, конечно, индустриальные страны) зависит от конъюнктуры. При торгово-промышленном кризисе Европа будет гораздо меньше ввозить нашего хлеба, еще меньше нашего леса, льна, пушнины, нефти и пр., чем при промышленном подъеме. Уменьшение экспорта повлечет за собой неизбежное уменьшение импорта. Если мы не вывезем достаточного количества промышленного сырья и продуктов питания, то не сможем ввезти необходимого количества машин,

хлопка и пр. Если бы, в результате неполной реализации наших экспортных запасов, покупательная сила крестьянина оказалась ниже предуч тенной, то это могло бы повести к кризису перепроизводства; в другом случае, при недостатке у нас товаров, мы, в случае урезанного экспорта, лишены были бы возможности пополнить этот недостаток путем ввоза готовых изделий, соответственного оборудования и сырья, например, того же хлопка. Другими словами, торгово-промышленный кризис в Европе, а тем более во всем мире, может отразиться кризисной волной, у нас. Наоборот, в случае значительного торгово-промышленного подъема в Европе, немедленно должен возрасти спрос на лес и лен, как необходимое для промышленности сырье, и на хлеб, на который население Европы при улучшении конъюнктуры предъявляет более высокий спрос. Таким образом, торгово-промышленный подъем, облегчая реализацию наших экспортных товаров, даст неизбежный толчек нашему собственному торгово-промышленному и сельско-хозяйственному подъему. Наша вчерашняя независимость от колебаний мирового рынка исчезает. Все основные процессы нашего хозяйства не только вступают в связь с соответственными процессами, но и подпадают в той или другой степени под действие законов, управляющих капиталистическим развитием, в том числе и сменой конъюнктур. Получается такое положение, что мы, как хозяйствующее государство, заинтересованы, по крайней мере в известных пределах, в улучшении конъюнктуры в капиталистических странах и, наоборот, с ухудшением этой конъюнктуры можем, по крайней мере до известной степени, потерпеть ущерб.

В этом, на первый взгляд неожиданном, обстоятельстве обнаруживается лишь в большем масштабе то самое противоречие, которое заложено в природу так называемого нэпа и которое мы раньше наблюдали в более узких рамках национально-замкнутого хозяйства. Наш нынешний строй основан не только на борьбе социализма с капитализмом, но—в известных пределах—и на их сотрудничестве. В интересах развития производительных сил мы не только допускаем частно-капиталистический оборот, но—в известных опять-таки пределах—поддерживаем его, а в форме концессий и сдачи

в аренду заводов и фабрик даже „насаждаем“. Мы чрезвычайно заинтересованы в развитии крестьянского хозяйства, несмотря на то, что оно сохраняет сейчас почти сплошь частно-товарный характер и что подъем его питает не только социалистические, но и капиталистические тенденции развития. Опасность такого сосуществования и сотрудничества двух систем хозяйства — капиталистической и социалистической (причем последняя пользуется методами первой)—состоит в том, что капиталистические силы могут перерасти через нашу голову.

Такая опасность существовала и в пределах „замкнутого“ * хозяйства, но только в более узких масштабах. Значение контрольных цифр Госплана в том именно и состоит, что они, как это выяснено нами в первой главе, с несомненностью показали перевес социалистических тенденций над капиталистическими на базе общего подъема производительных сил. Если бы мы собирались (вернее, имели возможность) оставаться до конца экономически замкнутым государством, вопрос можно было бы считать по существу решенным. Опасность могла бы угрожать нам в этом случае только на путях политики или военного прорыва нашей замкнутости извне. Поскольку же мы экономически вошли в систему мирового разделения труда и тем самым подпали под действие законов, управляющих мировым рынком, сотрудничество и борьба между капиталистическими и социалистическими тенденциями хозяйства получают несравненно более широкие масштабы, что означает возросшие возможности, но, вместе с тем, и возросшие трудности.

Есть, таким образом, глубокая и вполне естественная аналогия между теми вопросами, какие возникали у нас в рамках внутренних экономических отношений с началом введения нэпа, и теми, которые возникают для нас теперь из факта нашего широкого выхода на мировой рынок. Однако, эта аналогия не полна. Сотрудничество и борьба капиталистических и социалистических тенденций на советской территории совершаются под бдительным контролем пролетарского государства.

---

* Незачем пояснять, что абсолютно замкнутым оно не было никогда, и мы лишь для удобства изложения противопоставляем друг другу наиболее чистые типы.

Если государственная власть в экономических вопросах и не обладает всемогуществом, то все же экономическая сила государства, когда оно сознательно отстаивает прогрессивную тенденцию исторического развития, колоссальна. Допуская существование капиталистических тенденций, рабочее государство может их держать до известной степени в узде, всемерно питая и поддерживая социалистические тенденции. Орудием этого является: фискально-бюджетная система и меры общеадминистративного характера; система внутренней и внешней торговли; государственное содействие кооперации; строго сообразованная с потребностями государственного хозяйства политика концессий,—словом, всесторонняя система социалистического протекционизма. Эти меры предполагают диктатуру пролетариата, и действие их ограничивается, следовательно, территорией диктатуры. В странах, с которыми мы вступаем в растущие торговые сношения, господствует прямо противоположная система—капиталистического протекционизма, понимаемого в самом широком смысле этого слова. В этом разница. На советской территории социалистическая экономика борется с капиталистической, имея на своей стороне рабочее государство. На территории мирового рынка социализм противостоит капитализму, на охране которого стоит империалистическое государство.

Здесь не только экономика противостоит экономике, но и политика—политике. Могущественными орудиями экономической политики рабочего государства являются монополия внешней торговли и концессионная политика. Если, таким образом, законы и методы социалистического государства не могут быть навязаны мировому рынку, то связь социалистической экономики с этим последним в огромной степени зависит от воли рабочего государства. Тем самым исключительное значение приобретает, как мы уже сказали, правильно осуществляемая система внешней торговли, и рядом с нею возрастает роль концессионной политики рабочего государства.

Не может быть и речи о том, чтобы исчерпать здесь этот вопрос. Задача настоящих строк — поставить вопрос. А сам вопрос расчленяется на-двое. Во-первых, какими методами и до какой степени плановое воздействие рабочего государства

способно оградить нашу экономику от подчинения ее колебаниям капиталистического рынка? Во-вторых, в какой мере и какими методами рабочее государство может оградить дальнейшее развитие социалистических тенденций нашего хозяйства от капиталистического засилья мирового рынка? Оба эти вопроса стояли перед нами и в рамках „замкнутого" хозяйства. Они получают новое значение и новый размах в масштабах мирового рынка. И в том и другом отношении плановой элемент хозяйства приобретает ныне несравненно большее значение, чем в прошлый период. Рынок неизбежно подчинил бы нас себе, если бы мы равнялись только по рынку, ибо мировой рынок сильнее нас. Он ослабил бы нас своими резкими конъюнктурными колебаниями, а ослабив, одолел бы нас количественным и качественным перевесом своей товарной массы.

Мы знаем, как простой капиталистический трест стремится оградить себя от влияния острых колебаний спроса и предложения. Даже близкий к монопольному положению трест не ставит себе задачей в каждый данный момент покрывать своей продукцией рынок целиком. В периоды резкого подъема тресты допускают нередко существование рядом с собою нетрестированных предприятий, позволяя им покрывать избыточный спрос и избавляя этим себя от рискованных новых вложений капитала. При новом кризисе жертвами падают такого рода нетрестированные предприятия. Они нередко достаются тому же тресту за бесценок. Новый подъем трест уже встречает с возросшими производительными силами. Если спрос снова превышает его продукцию, трест открывает ту же игру. Другими словами, капиталистические тресты стремятся покрывать лишь строго обеспеченный спрос и расширяются по мере роста последнего, перенося по возможности риск, связанный с конъюнктурными колебаниями, на более слабые и случайные предприятия, играющие, так сказать, роль производственного резерва. Разумеется, эта схема выдерживалась далеко не всегда и не везде, но она типична, и она нам нужна для пояснения нашей мысли. Социалистическая промышленность является трестом трестов. Этот гигантский производственный комбинат еще меньше, чем отдельный капиталистический трест, может ставить себе задачей следовать за всеми изгибами рыночного спроса.

Трестированная государственная промышленность должна стремиться покрывать уже обеспеченный всем предшествующим развитием спрос, пользуясь по возможности частно-капиталистическим резервом для покрытия временного сверх-спроса, за которым может последовать новое сжатие рынка. Роль такого резерва выполняют частная внутренняя промышленность, в том числе и концессионная, и товарная масса мирового рынка. В этом смысле мы и говорили о регулирующем значении системы внешней торговли и концессионной политики.

Государство ввозит те средства производства, те виды сырья, те предметы потребления, которые необходимы для поддержания, улучшения и планомерного расширения производственного процесса. Если упростить сложнейшие взаимоотношения до степени схемы, то дело представится так. Во время мирового торгово-промышленного подъема наш экспорт возрастет на некоторую дополнительную величину, вместе с ним возрастет и покупательная способность населения. Совершенно ясно, что если бы наша промышленность немедленно израсходовала валюту на импорт машин и сырья для расширения соответственных отраслей производства, то ближайший мировой кризис, который вызвал бы уменьшение наших экономических ресурсов, тем самым обрек бы на кризис выдвинувшиеся слишком вперед отрасли промышленности, а с ними, до известной степени, и всю промышленность. Разумеется, до некоторой степени такие явления неизбежны, Крестьянское хозяйство — с одной стороны, мировой рынок—с другой, таковы два источника кризисных колебаний. Но искусство экономической политики будет состоять в том, чтобы быстро поднявшийся внутренний спрос покрыть госпродукцией только в его обеспеченной части; временный же избыток спроса—покрыть своевременным ввозом готовых изделий и привлечением частных капиталов. При этом условии очередной упадок мировой конъюнктуры в минимальной степени отразится на нашей государственной промышленности.

Так как во всю эту работу регулировки крестьянское хозяйство входит чрезвычайно важным, в некоторых случаях решающим, составным элементом, то из этого одного уже ясно, какое огромное значение, при сохранении раздробленности

крестьянского хозяйства, получают такие организационные формы, как кооперация и гибкий торговый аппарат государства, которые должны позволить гораздо лучше и полнее учитывать и предвидеть возможные колебания деревенского спроса и деревенского предложения.

* * *

Но не заключает ли в себе процесс нашего „врастания" в мировой рынок иных, более острых опасностей? Не грозит ли нам, в случае войны или блокады, механический разрыв бесчисленных жизненных нитей? Нельзя же забывать, что капиталистический мир непримиримо враждебен нам. И проч. и проч. Эта мысль копошится у многих. В среде производственников можно найти немало бессознательных или полусознательных сторонников „замкнутого" хозяйства. Надо и об этом сказать несколько слов. Разумеется, и в займах, и в концессиях, и в растущей зависимости от экспорта и импорта имеются свои опасности. Отсюда вытекает, что ни в одном из этих направлений нельзя распускать вожжей. Но есть и противоположная опасность, никак не меньшая: она состоит в задержке экономического развития, в более медленном темпе его роста, чем тот, который допускается активным использованием всех мировых возможностей. А в выборе темпа мы не вольны, так как живем и растем под давлением мирового хозяйства.

Слишком голым и абстрактным представляется довод насчет опасностей войны или блокады в случае нашего „врастания" в мировой рынок. Поскольку международный обмен во всех его формах экономически усиливает нас, постольку он укрепляет нас и на случай блокады или войны. Что наши враги могут еще попытаться подвергнуть нас этому испытанию, на этот счет у нас не может быть никаких сомнений. Но, во-первых, чем многообразнее будут наши международные хозяйственные связи, тем труднее будет разорвать их и нашим возможным врагам. А во-вторых, если это все же случится, мы окажемся несравненно сильнее, чем были бы при замкнутом и потому замедленном развитии. Кое-чему в этом отношении мы можем научиться из исторического опыта буржуазных стран. Германия развернула в конце XIX и начале нынешнего века

могущественную индустрию, опираясь на которую она стала активнейшей силой мирового хозяйства. Ее внешне-торговые обороты и связи с иностранными, в том числе заокеанскими, рынками получили в короткий срок огромное развитие. Война сразу оборвала все это. По своему географическому положению Германия подверглась с первого дня войны почти абсолютной экономической закупорке. И тем не менее, весь мир был свидетелем поразительной жизненности и выносливости этой высоко индустриальной страны. Предшествующая борьба за рынки развила в ней исключительную гибкость производственного аппарата, которую она до конца использовала на ограниченной национальной базе во время войны.

Мировое разделение труда не есть такое обстоятельство, которое можно скинуть со счетов. Всемерно ускорить собственное развитие мы можем только, умело пользуясь ресурсами, вытекающими из условий мирового разделения труда.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Во всем своем изложении я оставался исключительно на почве экономического процесса и его, так сказать, логического развития. Этим самым я сознательно устранял с поля зрения почти все другие факторы, не только влияющие на экономическое развитие, но способные и вовсе отклонить его в другую сторону. Такой односторонний экономический подход методологически правилен и неизбежен, поскольку дело идет о перспективной оценке сложнейшего процесса, охватывающего долгий ряд лет. Практические решения момента приходится принимать каждый раз с возможным учетом всех факторов в их сегодняшнем пересечении. Но когда дело идет о перспективе хозяйственного развития на целую эпоху, приходится неизбежно отвлекаться от „надстроечных“ факторов, т. е. прежде всего от фактора политики. Война, например, могла бы оказать решающее влияние на развитие в одном направлении, победоносная европейская революция—в другом. И не только события, идущие извне. Внутренние хозяйственные процессы вырабатывают свое сложное политическое отражение, которое, в свою очередь, может стать фактором крупнейшего значения.

Хозяйственное расслоение деревни отнюдь, как мы показали, не угрожающее какими либо непосредственными экономическими опасностями, т. е. быстрым ростом капиталистических тенденций за счет социалистических, может, тем не менее, при известных условиях породить политические тенденции, враждебные социалистическому развитию.

Политические условия, внутренние и международные, представляют сложное сцепление вопросов, требующих каждый раз самостоятельного анализа, разумеется, в тесной связи с экономикой. Этот анализ не входил в задачи нашего исследования. Наметить основные тенденции в развитии экономической базы не значит, разумеется, получить готовый ключ ко всем изменениям политической надстройки, которая имеет и свою собственную внутреннюю логику, свои задачи и свои трудности. Перспективная экономическая ориентировка не заменяет политической, а только облегчает ее.

Так, в процессе нашего анализа мы сознательно оставляли в стороне вопрос: сколько времени будет существовать капиталистический строй? Как он будет изменяться и в какую сторону развиваться? Здесь мыслимы несколько вариантов. Мы не собираемся их в этих заключительных строках исследовать, достаточно, если мы их назовем. Может быть, нам удастся вернуться к ним в другой связи.

Вопрос о победе социализма решается проще всего при допущении, что пролетарская революция развернется в Европе в ближайшие годы. Этот „вариант" никак не является наименее вероятным. Но с точки зрения социалистического прогноза тут и вопроса нет. Ясно, что, при сочетании хозяйства Советского Союза с хозяйством Советской Европы, вопрос о сравнительных коэффициентах социалистической и капиталистической продукции был бы победоносно разрешен при каком угодно сопротивлении со стороны Америки. И позволительно усомниться, долго ли длилось бы это сопротивление.

Вопрос чрезвычайно усложняется, если условно допустить, что окружающий нас капиталистический мир будет еще держаться в течение нескольких десятилетий. Такого рода допущение останется, однако, само по себе совершенно бессодержательным, если мы не конкретизируем его рядом других до-

пущений. Что станется при таком варианте с европейским пролетариатом, а затем и с американским? Что станется с производительными силами капитализма? Если условно допущенные нами десятилетия будут десятилетиями бурных приливов и отливов, жестокой гражданской войны, хозяйственного застоя и даже упадка, т.-е. просто затянувшимся процессом родовых мук социализма, тогда ясно, что наше хозяйство получит в переходный период перевес уже благодаря одной лишь несравненно большей устойчивости наших общественных основ.

Если же допустить, что в течение ближайших десятилетий установится на мировом рынке новое динамическое равновесие, нечто вроде расширенного воспроизведения того периода, какой развернулся между 1871—1914 г.г., то весь вопрос встанет перед нами совершенно иначе. Предпосылкой такого предположенного нами „равновесия" должен был бы явиться новый период расцвета производительных сил, ибо сравнительное „миролюбие" буржуазии и пролетариата и оппортунистическое перерождение социал-демократии и профессиональных союзов в десятилетия, предшествовавшие войне, стали возможны только благодаря мощному подъему промышленности. Совершенно очевидно, что, если бы невозможное стало возможным, если бы невероятное стало действительным, если бы мировой и в первую очередь европейский капитализм нашел новое динамическое равновесие не для своих шатких правительственных комбинаций, а для своих производительных сил, если бы капиталистическая продукция в ближайшие годы и десятилетия совершила новое мощное восхождение,—то это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересесть и даже пересаживаемся с товарного поезда на пассажирский, но догонять-то нам приходится курьерский. Проще говоря, это означало бы, что мы ошиблись в основных исторических оценках. Это означало бы, что капитализм не исчерпал своей исторической „миссии", и что развертывающаяся империалистская фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, его конвульсий и загнивания, а лишь предпосылкой его нового расцвета. Совершенно очевидно, что, в условиях нового многолетнего европейского и мирового капиталистического возрождения, социализм в отсталой стране оказался бы лицом к лицу с грандиоз-

ными опасностями. Какого рода? В виде ли новой войны, которой не мог бы и на сей раз помешать снова „замиренный" подъемом европейский пролетариат,—войны, в которой враг имел бы над нами колоссальный перевес техники? В виде ли потопа капиталистических товаров, несравненно лучших и более дешевых, чем наши,—товаров, которые могли бы взорвать монополию внешней торговли, а вслед за тем и другие основы социалистического хозяйства? Это уже, в сущности, вопрос второго порядка. Но совершенно ясно для марксистов, что социализму в отсталой стране пришлось бы очень туго, если бы капитализм имел шансы не только прозябания, но и долголетнего развития производительных сил в передовых странах.

Однако, для допущения такого варианта нет решительно никаких разумных оснований, и было бы поэтому бессмыслицей развить сперва фантастическую по своему „оптимизму" перспективу для капиталистического мира, а затем ломать себе голову над тем, как из нее выпутаться. Европейская и мировая система хозяйства представляют сейчас такое нагромождение противоречий,—не толкающих развитие вперед, а на каждом шагу подкапывающихся под него, — что история в предстоящие годы предоставит нам достаточно оказий к выигрышу экономического темпа, если мы используем, как следует быть, все ресурсы нашей собственной и мировой экономики. А мы намерены это сделать. Тем временем параллельно, хотя бы и с задержками и отступлениями, европейское развитие передвинет и „коэффициент" политической силы в сторону революционного пролетариата. В общем, надо полагать, исторический баланс будет сведен для нас более, чем удовлетворительно.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Издательство „Плановое Хозяйство“

Госплан СССР.

БИБЛИОТЕКА ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

под общей редакцией
Г. М. Кржижановского и А. А. Горева.

Конкретно-описательная библиотека практического характера. Издание ее даст в популярной форме представление о значении электрификации, о работе уже проделанной и предстоящей, о конкретных путях и возможностях.

С. Кукель.—Мировая электрификация. 124 стр. Ц. 65 к.

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ К ПЕЧАТИ.

С. Кукель.—Электрификация деревни.
А. Горев.—Силы природы и труд человека.
А. Ферсман.—Запасы и источники энергии.
И. Александров.—Гидро-электрические станции.
М. Поливанов.—Паровые электр. станции.
И. Сканави.—Транспорт электрической энергии.
Ж. Танер-Тененбаум. — Рационализация тепло-силового хозяйства.

СЕРИЯ ПОПУЛЯРНЫХ КНИГ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Подготовляются к печати книги А. А. ГОРЕВА:

Электрификация Америки.
Электрификация Англии.
Электрификация Франции.
Электрификация Германии.
Электрификация Италии.

Издательство „Плановое Хозяйство“

Госплан СССР.

ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВ. ВЛАСТИ.

Сюда включается ряд небольших брошюр и книжек, которые должны появляться своевременно, в связи с той или иной задачей более или менее длительного порядка, встающей перед партией и Советской властью в области хоз. строительства. Примерный тип издания: небольшой очерк, написанный лучшими специалистами по данному вопросу, содержащий в доступной форме основной фактический и цифровой материал. При наличии своевременного выхода в свет, издания этой библиотечки могут служить полезнейшим справочником для широкого слоя партийных пропагандистов, хозяйственников и др.

А. Лаврухин.—Нижегородская ярмарка. С предисл. С. Малышева. 61 стр. Ц. 45 к.

И. Смилга.—Сельско-хозяйственный кредит в Союзе ССР. Статьи и речи. 63 стр. Ц. 40 к.

Н. Эйсмонт и А. Аксамитный. Волго-Донской канал. Стр. Ц.

Подготовляется к печати.

Л. Бернацкий.—Задачи строительства на ближайшее время.
М. Лапиров-Скобло.—Стандартизация.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕЧКА «НАШЕ ХОЗЯЙСТВО».

Под общей ред. И. Смилги, С. Струмилина, Н. Ковалевского, А. Леонтьева.

Крупным изъяном Издательств всех экономических органов до сих пор является отсутствие вполне популярной литературы по вопросам хозяйства СССР, могущей рассчитывать на широкую рабочую и передовую крестьянскую аудиторию. Организация этой библиотечки должна восполнить этот пробел.

Н. Мамченко.—Внутренняя торговля в СССР. 54 стр. Ц. 20 к.

Подготовляется к печати.

П. Быков.—Как сохранить наши леса и увеличить их доходность.
Л. Вишеров.—Плановое начало в нашем хозяйстве.
И. Варгафтик.—Промышленность СССР.
С. Голендо.—Сельское хозяйство.
М. Моисеев.—Как торгует наш Союз с за-границей.
С. Мацкевич.—Электрификация.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Обзор русской экономической периодической прессы за половину 1924—25 хоз. года. I полугодие. Под ред. А. М. Михайлова и Я. Г. Раевского.

Издательство „Плановое Хозяйство“

Госплан СССР.

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕССА

двухнедельный бюллетень.

№ 1—6 (май-июль) 1925 года. 40 стр. Ц. 30 к.

Труды и материалы секций госплана.

По этой серии печатается все наиболее ценное из материалов, разрабатываемых секциями и представляющих более или менее специальный интерес.

С. Бобров.—Индексы Госплана. М. 1925. 120 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Бернацкий.—Сверхмагистрализация ж.-д. трансп. 254 стр. Ц. 4 р. 50 к.

В. Варзар.—Новый способ построения показат. диаграмм. 17 стр. Ц. 40 к.

Б. Гухман.—Продукция и потребление СССР. С предисловием С. Г. Струмилина. 140 стр. Ц. 1 р. 40 к.

А. Костяков.—Перспективы мелиораций в СССР (Европейская часть). 375 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Кржижановский, А. Горев, В. Есин. — 4 года электрификации. М. 1925. 59 стр. Ц. 60 к.

Лесные богатства СССР. Под общ. редакц. С. Г. Струмилина. С предисловием В. А. Базарова. 80 стр. Ц. 75 к.

Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. Обзор Конъюнктурного Совета Госплана. XXVIII+509 стр. Ц. 5 р.

Народное хозяйство СССР в первом полугодии 1924/25 г. Обзор Конъюнктурного Совета Госплана. (Печат.).

Новая волость-район. Материалы по районированию центрально-промышленной области, под ред. К. Д. Егорова. 194 стр. Ц. 1 р. 85 к.

Производительные силы центрально-промышленной области. Под общей ред. К. Д. Егорова. 342 стр. Ц. 5 р.

Этот же материал вышел 3-мя отдельными выпусками:

1) **Сельское хозяйство центр.-промышленной области.** 138 стр. Ц. 2 р.

2) **Энергетические рессурсы центрально-промышленной области.** 259 стр. Ц. 1 р. 75 к.

3) **Промышленность и транспорт центрально-промышленной области.** 372 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Современная кооперация и ее проблемы. Сборник статей с предисл. И. Т. Смилги. 243 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Подготовляется к печати.

В. Бушинский.—Засуха и мероприятия по борьбе с ней.

В. Базаров.—Производительность труда.

Б. Гухман.—Ремесленно-кустарная промышленность СССР, под ред. С. Г. Струмилина.

С. Киселев.—Денежное обращение и кредит. План электрофик. СССР.

Г. Кржижановский.—Сборник статей по электрификации.

Ф. Материкин.—Индустриализация сельского хозяйства.

Сельско-хозяйственное образование. Сборник под ред. проф. В. П. Бушинского и А. А. Ярилова.

Экономика Дальнего Востока. Сборник под ред. Н. Колосовского и Я. Целишева.

Кроме трудов и материалов Госплана, Издательством подготовляется к печати ряд популярных серий.

14452

Цена 45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО
ГОСПЛАН СССР МОСКВА
Заказы направлять в ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА, Воздвиженка, 5. Тел. 2-98-13